

Дарья Донцова

Дантисы тоже плачут

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Дантисты тоже плачут

«ЭКСМО»

2000

Донцова Д. А.

Дантисты тоже плачут / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2000 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

В поисках случайно выкинутой фамильной драгоценности Даша Васильева отправляется на городскую свалку и обнаруживает там... труп. Кому же может быть выгодна смерть небогатой девушки, не имеющей ничего общего с криминальным миром? Видя полное отсутствие интереса со стороны милиции к этому бесперспективному делу, Даша решает сама найти убийцу. Через некоторое время ей становится ясно, что преуспевающий и модный стоматолог Владимир Резниченко таинственным образом связан с убитой...

© Донцова Д. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дарья Донцова

Дантисты тоже плачут

Глава 1

*Нет ничего тайного,
Что не сделалось бы явным...*
Библейская мудрость

Я наступила на руку трупа. Бледная, безжизненная конечность противно хрустнула, и что-то похожее на крошки закопошилось под сапогом. Грязно-серая рука принадлежала длинному худому телу, шею венчала голова с растрепанными иссиня-черными волосами.

Я посмотрела на лежавшую у моих ног молодую женщину и дико закричала. Возившийся рядом в куче тряпья испитой бомж сердито проворчал:

– Ну чего верещишь, кошка драная? Манекен, что ли, никогда не видала?

Пришлось перестать орать и приглядеться повнимательней. В самом деле, среди пустых банок, бутылок и остатков пищи лежал манекен, один из тех, что пугает своей невероятной схожестью с живым человеком. Сердце перестало колотиться, и я окинула взглядом крупнейшую московскую свалку. Господи, чего здесь только нет, и как тут найти потерянное?

Вот уже несколько лет, как моя жизнь резко переменялась. Моя ближайшая подруга Наташка вышла замуж за богатого француза – Жана Макмайера. Когда-то мы вместе с Наташкой работали в заштатном институте. Я вбивала в головы тупых студентов-технарей начатки французской грамматики, а Наталья тосковала на лаборантской ставке. Ее замужество волшебным образом изменило несколько судеб.

Сначала мы с детьми просто приехали к ней в гости и... оказались в центре детективной истории. Жана Макмайера убили на следующий день после нашего приезда. Никаких родственников, кроме жены, у несчастного не было. В Наташкины руки упало солидное состояние, хорошо налаженный бизнес, коллекция картин и чудесный дом в предместье Парижа.

В трехэтажном особняке места хватало всем, и подруга велела мне с детьми оставаться в Париже. После недолгих колебаний я согласилась. Но покинуть родину навсегда у нас не получилось. И теперь мы живем полгода в Париже, полгода в Москве. Купили двухэтажный дом рядом с Кольцевой дорогой и поселились все вместе, неожиданно превратившись в «новых русских». Дочь Маша ходит в лицей, сын Аркадий заканчивает обучение на юридическом факультете, его жена Оля должна вот-вот родить близнецов.

Как раз из-за беременной Ольги я и оказалась холодным, промозглым и дождливым декабрьским днем на свалке. Вчера вечером невестка сняла с пальца бриллиантовое кольцо – подарок мужа на день рождения, положила его в замшевый мешочек и... выбросила этот яркий красный кисет в помойное ведро. Зачем она это сделала – непонятно. Зайка, такую кличку дали мы невестке, утром заливалась слезами в столовой.

– Ну, не понимаю, как это получилось. В мозгах – компот. Ела на ужин яблоко, так огрызок принесла в спальню и положила в секретер. А кольцо выбросила. Перепутала огрызок с кольцом!

И зарыдала еще громче. Наташка пошла на кухню, но наша сверхакуратная домработница Ирка, конечно же, еще вчера вечером вынесла мусор.

Я побежала к бачкам на улице, но и они стояли пустыми – мусорщики приезжают где-то в шесть утра.

– Перестань рыдать, – попытался утешить жену Аркадий, – ну, подумаешь, ерунда, здоровые дорожки.

От этих слов Ольга заплакала только пуще. Беременность протекала тяжело, бедную девочку постоянно тошнило, ей даже пришлось отлежать целый месяц в больнице. Нервы совершенно расшатались, и ее несчастный вид мог растрогать кого угодно.

И вот после завтрака мне пришла в голову необыкновенная мысль. А куда девают мусор? Логично предположить, что свозят на свалку. Я схватила справочник, позвонила в муниципалитет и узнала, на какую свалку отправляют отходы из нашего района. Съезжу туда и пороюсь в отбросах, вдруг да найду пропажу.

Свалка, вернее завод по утилизации мусора, находилась далеко за городом. В воротах тосковал охранник. Он оценивающим взглядом окинул «Пежо» и мою одежду и решил, что следует проявить любезность.

– Что привело в наш Клондайк?

Я достала из бумажника приятно новую купюру и постаралась внятно изложить цель визита. То ли сумма показалась стражнику достаточной, то ли его тронул рассказ о бедной беременной, но уже через несколько минут я получила исчерпывающие сведения.

Свалка четко разделена на секторы. Каждая улица имеет свой отсек. И, к примеру, мусор Шебашевского проезда никогда не перемешивается с отходами Планетной улицы. Водители машин точно знают, куда везти отбросы, и никогда не путаются. К тому же лентяя, который опустошит грузовик абы где, ждет большой штраф.

После этого, получив еще одну хрустящую бумажку, страж отвел меня в нужное место. Барахла там громоздились горы. По счастью, вчерашний мусор лежал отдельной кучей. Я нацепила резиновые перчатки и принялась потрошить вонючие пластиковые мешки.

Некоторые москвичи, вот ведь аккуратисты, упаковывают отходы, тщательно завязывая горлышко. Уже через десять минут пальцы от развязывания узлов почти перестали гнуться. Хорошо еще, что, распаковав мешок, я сразу понимала, что это не наши объедки. Дело в том, что в нашем мусоре безумное количество банок из-под собачьих и кошачьих консервов, что неудивительно – в доме живут питбуль, ротвейлер, мопс и две кошки.

Шел уже второй час неудачных поисков, когда под ногу попался проклятый манекен. Я стянула перчатки, присела на какой-то грязный сверток и со вкусом закурила «Голуаз». Переходну немного и опять пороюсь в грязи, авось повезет.

Привлеченный дымом, подошел бомж, искавший что-то в огромной груде тряпок.

– Дай сигаретку.

Я протянула ему пачку и зажигалку. Пару минут парень судорожно затягивался, потом спросил:

– А выпить нечего?

– Нет, если хочешь, оставь себе сигареты.

Побирушка просиял, потом, очевидно желая отблагодарить, сказал:

– Чего ищешь?

– Да так, семейную реликвию, почти все перерыла, а толку чуть.

– Погляди вон там.

Бомж показал на проржавевший остов, бывший когда-то электроплитой.

Я послушно подошла к плите. Прямо за ней валялось несколько светлых мешков и один темный. Насколько я помню, Ирка покупает белые упаковки. Я принялась за поиски, но тщетно. Еще дальше валялись уже разодранные пакеты, и там среди неаппетитных остатков лежало довольно много консервных банок.

Ноги понесли на этот Монблан, сердце радостно забилося, вот оно: «Кролик с овощами» – любимое лакомство питбуля Банди, «Говядина с рисом» – предпочтение ротвейлера Снапа. Несколько банок из-под тунца, куча объединенных артишоков. Насколько помню, вчера к обеду

кухарка подавала артишоки. Точно, это наш мусор – вот пустая баночка из-под слабительных капель, которую выбросила вчера Наташка.

Полная энтузиазма, сыщица рылась дальше. В куче лежали только разодранные мешки, и я разбрасывала отбросы, как гиена – хищно улыбаясь. Вот он! Не может быть! Грязный алый замшевый мешочек показался среди конфетных фантиков.

Я потащила его к себе, но не тут-то было – кисет зацепился за что-то шнурком. Пришлось порыть поглубже. Показались бледные тонкие пальцы, я рыла дальше, обнаружилась женская рука с часиками на запястье. Именно за эти часики, вернее за звенья браслета, и зацепился шнурок.

Ну надо же, еще один манекен. Присев на корточки и сопя от напряжения, я стала отцеплять шелковые нити, но они держались прочно. Вот ведь ерунда какая, и разорвать прочную витую веревочку нет сил.

Пришлось кликнуть бомжа.

– Помоги, пожалуйста.

Нищий подошел.

– Чего тебе?

– Да вот, нашла потерю. Нет ли ножичка, веревку разрезать?

Но бомж как укушенный отскочил в сторону.

– Нет, я в эти игры не играю.

– Не пугайся, сам же говорил, что манекен.

– Там был манекен, а здесь нет, мне с милицией связываться неохота.

И он исчез со скоростью звука.

Я присмотрелась повнимательней. Синеватую, похожую на ливерную колбасу руку покрывали царапины, возле ногтей виднелись заусенцы. Боже мой, а я держу это в своей ладони. К горлу подступил комок, желудок противно сжался, на уши наделась плотная шапка, в глазах зарябило, и храбрая Даша бесславно хлопнулась в обморок.

Глава 2

Сначала возник запах мужского лосьона, потом появился звук.

– Даша, очнись.

Я медленно разлепила веки и увидела приветливое лицо полковника. Господи, ну почему судьба вечно подбрасывает мне такие гадости?

Толстенький, лысоватый Александр Михайлович – верный старый друг. Все домашние трогательно любят его. Кухарка готовит по субботам грибное суфле в надежде, что Александр Михайлович заглянет на уик-энд и полакомится любимым блюдом. Наташке нравится вязать ему довольно уродливые жилетки, Аркашка обсуждает с полковником всяческие юридические казусы, а Маня и Оля надеются, что когда-нибудь Александр Михайлович предложит мне руку и сердце, а я отвечу «да».

Полковник – старый и верный друг. Познакомились мы много лет назад, когда я была нищей преподавательницей французского языка и ради дополнительного заработка взялась вести группу в Академии МВД. На первом же занятии меня поразил бравый капитан, абсолютно неспособный к восприятию иностранного языка. Он дрался с глаголами аки лев, но, увы, безрезультатно. Раз восемь приходил ко мне, пытаюсь сдать зачет по теме «Москва – столица СССР». Наконец мне все надоело, я поставила пригорюнившемуся мужику незаслуженную оценку. Тот просиял и на следующий день явился с огромным букетом роз и приглашением сходить в ресторан. С тех пор мы нежно дружим.

Оказавшись в Париже, мы наплевали на должностные инструкции и познакомили его с французским коллегой – комиссаром Перье. Первая встреча прошла на уровне, и мы тихонько посмеивались, глядя, как профессионалы пытаются объясниться без посторонней помощи. Жорж знает примерно с десятков русских фраз, произносит их, невероятно коверкая произношение. Такие же познания французского отягощают и нашего полковника. К тому же оба мужчины похожи внешне: толстенькие, лысоватые любители поесть.

Перед самым отъездом Александра Михайловича в Москву Жорж вздохнул и сказал:

– Уезжаешь, и девочки все тоже на зиму в Москву собираются. Знаешь что, на память подарю тебе своего английского мопса Хуча. Забирай его в Москву, смотри на собачку и вспоминай меня.

Мы захихикали, и вот таким образом Хуч вместе с нашими собаками и кошками прибыл в Россию... Маша долгое время уверяла, что Хуч – внебрачный сын Александра Михайловича. Они и вправду чрезвычайно похожи, даже похрапывают одинаково в кресле после вкусного субботнего обеда. Александр Михайлович – убежденный холостяк, никогда не имел ни жены, ни детей, и Хуч заменил ему семью. Но примерно через год после переезда в Москву мопс благополучно оказался у нас.

Хуч – имя, звучащее для русского уха ужасно, поэтому Оля переименовала песика в Федора Ивановича. Он согласно откликается на обе клички. Ротвейлер и пит-буль, проживающие в доме, тоже любят мопсика. Правда, Аркашка уверяет, что Снап и Банди принимают его за особо крупную и тучную мышь. Может, это и так, потому что ротвейлер, как правило, таскает Федора Ивановича по всему дому, как щенка, ухватив за загривок. Ленивый мопсик воспринимает подобный способ передвижения с явным удовольствием.

В идиллических отношениях с Александром Михайловичем есть довольно большая ложка дегтя – его работа. Александр Михайлович – милиционер, более того, полковник. Несколько раз нам приходилось беседовать, так сказать, на официальном языке, с оформлением протокола. После одного дела полковник строго предупредил:

– Дай честное слово, что больше никогда не станешь мешаться под ногами.

С легким сердцем я поклялась никогда, никогда, никогда... Но кто же виноват, что на свалке обнаружился труп?

Александр Михайлович продолжал улыбаться.

– Ну, дорогая моя, расскажи, что привело тебя в такое странное для приличной дамы место? Только не говори, что собираешь бутылки и тряпки.

– Искала кольцо, которое выбросила Олька.

– Ну и нашла?

– Нашла. Только взять не смогла.

– Что же помешало, моя радость? – продолжал издеваться полковник.

– Послушай, перестань так разговаривать. Я что, виновата? Просто нашла труп. Колечко лежит в мешочке, мешочек зацепился за часы, а часы на руке этой несчастной.

Александр Михайлович крикнул:

– Ну, теперь мешочек получишь только после официального опознания.

– Не вредничай, отдай сразу.

Дверь конторы открылась, и на пороге возник медицинский эксперт Женя. Увидев меня, он расплылся в улыбке:

– Даша, и ты здесь?

– Здесь, здесь, – вздохнул Александр Михайлович, – и опять нашла мертвеца. Просто хобби какое-то влипать в истории. Ну, что у тебя?

Женя задумчиво почесал намечающуюся лысинку.

– Пока ничего определенного. На вид шестнадцать-восемнадцать лет, скорее всего убита ударом тупого предмета по голове. Одета в дешевую одежду не первой молодости, туфли отсутствуют. Похоже, что при жизни была хороша собой. Подробности после вскрытия.

Я сглотнула слюну и шумно вздохнула.

– Только не вздумай опять грохнуться в обморок, – сердито проговорил Александр Михайлович, – дай чаевые служащему, который приволок твою тушку в контору. И собирайся домой.

Мы вышли из здания на улицу. Возле ворот стоял фургон, куда крепкие санитары загружали носилки с большим пластиковым мешком.

«Бедная девушка, – подумала я, – такая молодая. Кому могла помешать? Любовнику? А может, стала свидетельницей какого-то преступления или была проституткой? Все равно, жаль несчастного ребенка, она чуть старше Маши».

С тяжелыми мыслями села за руль и поехала домой. За ужином рассказала своим о происшествии.

– Страх какой, – передернула плечами впечатлительная Оля, – спасибо, конечно, за поиски, но, боюсь, не смогу больше надеть кольцо.

Дверь столовой тихонько скрипнула, и в образовавшуюся щель влез мокрый Банди. Он отряхнулся, разбрасывая вокруг комочки грязи.

– Фу, – закричал Аркашка, – фу, пришел с улицы и прямо сюда. Там что, снег идет?

Мы поглядели в окно. Действительно, падал мокрый, противный снег с дождем. Зима в этом году неприятная: вместо привычного мороза кругом слякоть.

– Значит, близнецы родятся уже в следующем году, – пошутила Зайка, – завтра 31 декабря.

Но она оказалась не совсем права. В девять часов вечера последнего дня года мы сели за праздничный стол. Под елкой лежали подарки. Сначала выпили за старый год, потом принялись разглядывать презенты. Ольга потянулась за пакетом, охнула и ухватила за живот – начались схватки.

Пока трясущийся от волнения Аркашка выгонял машину из гаража, Наташка и Маруся закутывали Ольгу в шубу. Я бестолково пыталась помочь.

Сев в машину, мы вовремя вспомнили, что забыли документы, я побежала в кабинет и по дороге позвонила доктору. Не скажу, чтобы он очень обрадовался перспективе провести праздничный вечер на работе.

Наконец двинулись в путь. Дорога была ужасающей. Мокрый асфальт покрывала ледяная каша, на ветровое стекло все время летела грязная жижа, и «дворники» еле-еле справлялись с работой. Аркашка гнал на большой скорости. При каждом очередном Ольгином стоне он закусывал губу и нажимал посильней на педаль газа.

– Кешка, осторожней, как бы в аварию не попасть, – проговорила боязливая Наташка.

Не успела она захлопнуть рот, как прямо перед нами возник багажник чужой машины.

– Тормози! – завопила Маня.

Раздался визг, стук, звон разбитого стекла. Автомобиль резко остановился. Аркашка выскочил на улицу и кинулся к капоту, я за ним. Из другой, тоже разбитой машины вышел обозленный водитель.

– Каким надо быть идиотом, чтобы ездить на большой скорости в такую погоду, – начал возмущаться он.

Аркашка беспомощно махнул рукой:

– Все, дальше не поедem, пробит радиатор. Надо срочно ловить такси.

– Где же найти такси 31 декабря в 10.30 вечера? – спросила подошедшая Наташка. – Надо что-то делать, а то опоздаем.

– Ну вы даете, – проговорил незнакомый водитель, – разбили мне багажник и делаете вид, что ничего не случилось, на вечеринку торопитесь...

Аркашка повернулся.

– Тысяча извинений, я, безусловно, виноват. Вот визитная карточка, надеюсь, машина застрахована. Но сейчас, извините меня, жена собралась рожать, и, если не найдем такси, дети появятся на свет прямо здесь.

Водитель растерянно переводил взгляд с меня на Наташку, потом сел в свою машину, завел мотор и уехал. Мы остались одни, шел снег, на улице не было ни души.

– Сейчас позвоню, – сказала Наташка, – вызову «Скорую помощь» или милицию.

В этот момент послышалось урчание мотора. Мы замахали руками. Машина остановилась, и в окошко высунулся водитель разбитого автомобиля.

– Садитесь, отвезу в клинику. У меня только багажник разбит, а мотор в полном порядке.

Аркашка кинулся за Ольгой, мы с Наташкой и Маней забились на заднее сиденье. Зайка, бледная до синевы, судорожно вздыхала и охала, когда «жигуль» наконец двинулся с места. Нервная обстановка повлияла на водителя, и он погнал быстрее, чем Аркашка.

Минут через десять Ольга уже сидела в приемном отделении. В просторном холле, кроме нас, никого не было.

– Кто это собрался рожать прямо под Новый год? – пошутила медсестра, увозящая будущую маму.

Кешка рванулся за ними, но был остановлен железной рукой санитарки. Испуганное личико Зайки мелькнуло в проеме двери.

Наташка нервно закурила, Маня расстегнула куртку и плюхнулась в кресло.

– Может, сходить за кофе? – предложила я.

– Ну, как ты можешь думать о еде в такой момент! – взвыл будущий отец и забежал по холлу.

Кто-то тронул меня за плечо. Рядом стоял наш спаситель.

– Позвольте представиться. Меня зовут Владимир Резниченко.

Кешка перестал бегать и сказал:

– Огромное спасибо, господин Резниченко, и простите нас.

– Ну что вы, что вы. Прекрасно понимаю, такой напряженный момент, волнение...

Дверь, ведущая в глубь клиники, распахнулась, и весело улыбающаяся девушка радостно проговорила:

– Поздравляю! У вас мальчик, вес 2.100, рост 46 см.

Аркашка онемел:

– Как мальчик, а где девочка?

– Пока только мальчик, но надеемся, что сестричка не задержится.

Я посмотрела на часы – без десяти полночь. Так, близнецы родятся в разных годах, надо же такому случиться.

– Мелкий такой, – разочарованно протянула Маня, – 2.100, как головка сыра «Рокфор».

– Близнецы, как правило, бывают меньше, – сказал Владимир, – но зато потом быстро набирают вес и хорошо развиваются.

– Вы врач? – спросила Наташка.

– Стоматолог, – засмеялся Резниченко, – с другого, так сказать, конца, но кое-что из курса акушерства осталось в памяти. Рад знакомству, должен ехать. – И он протянул визитную карточку.

Мы дождались появления девочки – вес 2 кг, рост 43 см – и отправились домой.

Утром первый звонок сделали Александру Михайловичу и рассказали о рождении близнецов. Полковник пришел в полный восторг. Следующая неделя целиком и полностью была посвящена покупкам. Суеверная Наташка не разрешала до родов приобретать никакие вещи и теперь в самозабвении носилась по магазинам, скупая распашонки, пинетки, памперсы, бутылочки. Не отставала от нее Маня – тащила плюшевых мишек и собачек.

На втором этаже оборудовали большую детскую.

– Станут постарше, расселим по разным комнатам, – приговаривала Наташка, – а пока пусть живут вместе.

Две разноцветные колыбельки с пологам ждали хозяев, шкафчики ломились от пушистых кофточек и крошечных штанишек. И как апофеоз – гигантская железная дорога и два трехколесных велосипеда, купленные обезумевшим от радости Аркадием.

За день до приезда близнецов домой я нашла в сумке визитную карточку выручившего нас водителя и устыдилась – надо хоть позвонить ему.

Трубку сняла женщина.

– Аллю.

– Будьте любезны господина Резниченко.

– Он будет через час, что передать?

Я попыталась объяснить цель звонка. Женщина стала еще любезней.

– О, это у вас родились двойняшки! Владимир очень переживал. Давайте познакомимся, я Нелли Резниченко. Кстати, страховая компания требует ваши свидетельские показания, а их агент примерно через час приедет к нам. Если не очень заняты, подъезжайте, а то придется тащиться в агентство, такая морока!

Мне пришлось согласиться.

Резниченко жили в престижном районе. Консьерж вежливо осведомился о моей фамилии и вызвал лифт. Я поднялась на третий этаж. На площадке находилась всего одна квартира. Тяжелая дубовая дверь распахнулась, в проеме улыбался Владимир.

– Как мило, что согласились заехать.

Он провел меня в роскошно обставленную гостиную. На широком кожаном диване цвета топленого молока сидела полная женщина без возраста. Короткие белокурые волосы, скорей всего крашенные, карие глаза.

– Познакомьтесь, – проговорил дантист, – моя жена Нелли.

Женщина приветливо улыбнулась:

– Здравствуйте, присаживайтесь. Как смотрите на чашечку кофе?

Я заверила ее, что смотрю благосклонно, и симпатичная домработница принесла поднос с кофейником, конфетами и булочками. Владимир вынул из бара бутылку. Скорее всего у него нет недостатка в клиентах – коньяк был двадцатилетней выдержки. Разговор плавно потек своим чередом: обсудили погоду, падение рубля, невероятные цены.

– Mamочка, – раздался вдруг робкий детский голосок.

Я невольно повернула голову. В комнату, неслышно ступая, вошла девушка лет семнадцати. Такая же шатенка, как отец, но глаза материнские – карие с длинными пушистыми ресницами. Она странно двигалась, словно кто-то связал ей ноги в коленях. На руках у девочки весело гулил младенец примерно восьмимесячного возраста.

– А это наши дети, – обрадовался Владимир. – Ева и Юра.

«Ничего себе разница между братом и сестрой», – подумала я.

Словно услышав мои мысли, дантист рассмеялся.

– Классическая ошибка супругов средних лет. Думаете, что пришел климакс, и не волнуетесь о задержке. А потом раз, и получается отличный мальчишка.

– Владимир! – возмущенно сказала Нелли.

– Прости, дорогая, юмор врача грубо физиологичен, циничен даже.

Женщина покраснела как-то странно – пятнами. Багровые ореолы покрыли шею, побежали по щекам, на лбу выступила испарина.

«Похоже, что у нее и правда климакс, – невольно подумала я, – успела родить в последний час».

Очевидно, Нелли очень разозлилась на мужа, потому что грубо обратилась к дочери:

– Что тебе надо, зачем принесла малыша?

– Mamочка, Юра не хочет спать, плачет все время, – робко проговорила девочка.

– Ну, так успокой, дай соску и не приставай с глупыми вопросами.

Ева потупилась, малыш весело пускал слюни.

Владимир, желая сгладить грубость жены, бодро потер руки:

– Садись, доченька, выпей кофейку.

– Ей вреден кофе, – отрезала мать, – к тому же надо делать уроки, опять получит кол по французскому. Ты написала упражнение?

Девочка кивнула.

– А проверила?

Дочка вздохнула.

– Кажется, правильно, пусть папа посмотрит.

– Папа может только советы давать, – продолжала злиться женщина.

Глаза Евы стали медленно наливаться слезами. Она умоляюще поглядела на отца. Я решила вмешаться:

– Можно взглянуть на работу? Преподаю иностранные языки.

Девочка обрадованно побежала в комнату. В гостиной повисло тягостное молчание. Чтобы нарушить его, я встала и подошла к большому шкафу со стеклянными дверцами.

– Какая прелесть!

На полочках стояли разнообразные фигурки – нэцкэ. Нелли подошла ко мне. Красные пятна сошли с лица, и она вновь стала приветливой хозяйкой дома.

– Правда, хороши? Собираю с двенадцати лет. Первую фигурку, вон того дракончика, подарил на день рождения дедушка, с тех пор просто заболела нэцкэ. Здесь есть настоящие редкости, но кое-что не представляет ценности. Вот, например, подделка, правда, очень симпатичная.

Фигурки стояли парами, некоторые по трое. Дракончики, жабы, божки, собачки... Только утка пребывала в одиночестве.

– Ну, теперь знаю, что можно вам подарить, – и я показала на унылую утку.

Нелли горестно вздохнула:

– Даже не ищите ей пару. Вы уже догадались, что скульптурки живут семьями? Так вот, уток нигде нет – лебедей сколько угодно, а с утками настоящая драма. И самое обидное, что пара-то у нее была. Прелестная фигурка, чуть розоватая, глаза – цветные бусинки. Увидела вещицу и просто влюбилась. Был, к сожалению, небольшой дефект – отбитая правая лапка, но ее это не портило. Я так радовалась, что нашла селезнь для утки! И представьте, он пропал, просто исчез, как испарился!

– Не расстраивайся, дорогая, – проговорил Владимир, – еще когда-нибудь попадется селезень.

Вернулась Ева с исчерканной тетрадкой. Я поглядела упражнение. Французский явно не был ее коньком. Жуткие ошибки, убогая лексика. Кое-как поправив, а вернее, написав изложение заново, я отдала работу девочке.

Нелли опять начала злиться:

– Сиди и работай, лентяйка, гулять не пойдешь, давай быстрее. Проснется Юра, дашь ему кашу.

«Зачем только рожать ребенка, если ненавидишь детей, – подумала я. – И потом, можно нанять девочке репетитора, вроде не нуждаются; похоже, что из Евы сделали няню для Юры».

Раздумья прервал вошедший служащий страховой компании.

Глава 3

Через несколько дней пришлось поехать к Александру Михайловичу на работу, оформить свидетельские показания. В огромном здании было ужасно холодно, никакие батареи не способны согреть такое помещение.

Полковник, укутанный в одну из отвратительных Наташкиных фуфаек, шмыгал носом.

– Скорее всего не приеду в субботу, насморк начинается, еще заражу всех.

С этими словами он достал разнообразные бланки и церемонно спросил:

– Фамилия, имя, год рождения, адрес, пожалуйста.

Ну надо же такое спросить!

– Сам все знаешь, неужели и адрес забыл?

Александр Михайлович побагровел.

– Ты свидетель, а я – официальное лицо, не мешай допросу.

Пришлось терпеливо отвечать на дурацкие вопросы. Наконец все бумажки были заполнены, и я спросила:

– Кто эта несчастная девочка, что показало вскрытие?

Полковник взглянул в окно и сообщил:

– Тайна следствия не разглашается, иди домой.

Хлопнув дверью кабинета и искренне надеясь, что полковник уронил стакан с чаем, я двинулась на поиски эксперта.

Женя отыскался в соседней комнате. Он разложил на столе бутерброды, открыл стакан с супом и приготовился славно отдохнуть.

– Приятного аппетита!

– О, спасибо.

Эксперт принялся с аппетитом жевать.

– Женя, помнишь девочку, которую нашли на свалке?

Мужчина кивнул с набитым ртом.

– Ты уже вскрыл труп?

Эксперт засмеялся и погрозил пальцем.

– Даша, полковник запретил тебе что-либо рассказывать, но могу поделиться кое-какими секретами, правда, не бесплатно. Обещай сделать Аньке контрольную. Учти, там пятнадцать страниц.

– Да пожалуйста, прямо сейчас напишу, или пусть позвонит домой. Так что с девочкой?

Мужчина порылся в папках.

– Так, примерно шестнадцать-восемнадцать лет. Зубы в плохом состоянии, полно неза-
леченного кариеса. Думаю, она из бедной семьи, плохо питалась. Внутренние органы без пато-
логических изменений, то есть абсолютно здорова. Скорей всего курила, но не много, балова-
лась. Перед смертью, примерно часа за два, съела гамбургер.

– А что явилось причиной кончины?

– Удар по затылочной части, нанесенный тупым тяжелым предметом.

– Кирпичом?

– Нет, скорей сковородкой или кастрюлей. В ране обнаружены частички металла со сле-
дами синей краски. Навевают воспоминания о кухонной утвари. Скорей всего бытовуха – пору-
гались, подрались, хлоп – убили. Сплошь и рядом такое.

– Как она выглядела внешне?

– Ну, ничего хорошего. Хотя при жизни была, очевидно, симпатичной, даже красивой.
Вот, посмотри!

И Женя вынул из папки целую серию фотографий трупа. Я изловчилась и, пока эксперт закуривал сигарету, припрятала одну в карман.

– Бедняжку никто не искал?

– Похоже, что нет. Может, приехала из провинции.

– Вдруг она проститутка?

– С таким нижним бельем? Да и одежда не фонтан – дешевенькая кофточка, брючки из дерюжки, один носок рванный, ногти на ногах без педикюра. Много с таким видом не заработаешь. И, главное, никаких меток прачечной, никаких зацепок. Скорей всего так и закопаем неопознанной. Единственное, что представляет интерес, – это утка.

– Какая утка?

– С внутренней стороны ее штанишки имеют маленький карман. Очень необычный покрой, первый раз вижу такой тайничок. Так вот, там нашлась фигурка нэцкэ – утка.

По моей спине пробежала дрожь.

– Женя, миленький, покажи эту штучку.

– Ладно, только за это будешь месяц заниматься с Анькой, а то этой идиотке двоек наставили.

– Хорошо, хорошо. Неси фигурку.

Женя стал рыться в шкафах и вытащил целлофановый пакетик с биркой. Внутри находилась фигурка утки. Розоватая, глаза – цветные бусинки, правая лапка отбита. И я точно знала, где несчастная взяла ее.

Домой ехала потрясенная. Что могло связывать жертву с Резниченко? Может, была у них в гостях? Тогда почему Владимир и Нелли не волнуются? Вдруг работала домработницей? Или дружила с кем-то в доме, с той же Евой, они примерно одного возраста. Сама девочка украла фигурку или ей подарили утку? Ясно одно, концы истории следует искать в роскошной квартире на улице Усиевича.

Александр Михайлович поступил со мной отвратительно, заставив диктовать биографические данные. Что ж, ничего не расскажу ему и сама попробую разобраться в этом деле. Всегда обожала детективы и загадочные истории.

Дома царил форменный кавардак. Со второго этажа доносился душераздирающий плач – близнецам пришла пора подкрепиться. Я поднялась в детскую.

Растрепанная Оля сражалась с памперсами. Ирка держала на руках отчаянно вопившую Анну.

– Крыша поехала, – пробормотала невестка, – они все делают одновременно – едят, спят, какают. Нет бы по очереди. Обделаются и начинают орать. Пока одного переодеваешь, второй криком исходит!

– А где Аркадий?

– На работе, Наташка поехала с Маней в агентство.

– Куда?

– В агентство. Нам нужна няня, иначе все с ума сойдут.

Зайка залепила наконец на Ваньке памперс и сунула мне в руки копошащийся, орущий комочек.

– Сделай доброе дело, сунь ему бутылочку.

Я воткнула соску в маленький ротик, и младенец сосредоточенно замолчал, удовлетворенно жмурясь. Его сестрица продолжала неумолчно визжать. Вдруг она замолчала и тоже зашевелила губами, как будто сосала. Это было так странно. Я вспомнила все, что читала о близнецах.

Не так давно в одном журнале писали о разлученных близнецах. Они не встречались несколько десятилетий, и потом выяснилось, что, не сговариваясь, мужчины выбрали одну и

ту же профессию, в один год женились на миловидных блондинках. Вскоре у них родились сыновья, и они называли мальчиков одним и тем же именем.

Анька открыла беззубый ротик и издала ужасающий вопль. Да, нам крайне необходима няня. Не прошло и нескольких часов, как Наташка и Маруся привезли ее.

Молоденькая, чуть старше двадцати лет, девушка робко топталась возле обшарпанного чемодана. Дешевенькое, потертое драповое пальтишко, сапожки «прощай, молодость». Где они откопали это чудовище? Глядевшая на небесное явление Ирка, казалось, разделяла мое мнение.

– Ну, что встала, снимай пальто, – скомандовала Маня, и девица послушно вылезла из верхнего одеяния. Под ним обнаружился плохо связанный свитер, узенькая коричневая юбочка чуть выше костлявых коленок. Девушка выглядела худой до неприличия и, скорее всего, в обнаженном виде напоминала пособие по анатомии.

– Куды полт покласть? – спросила она приятным, неожиданно мелодичным голосом, отводя со лба прядку довольно неопрятных темно-русых волос.

«Боже, кого эти ненормальные наняли? – пронеслось в моей голове. – Вроде она русская, но как странно говорит!»

– Полт? – переспросила Наташка. – Ах, пальто, вот сюда, в шкаф. Бери чемодан, отведу наверх.

– Только прежде чем идти к детям, пусть переоденется и примет ванну, – не выдержала Ирка.

Я тихонько ткнула домработницу рукой, ну нельзя же так сразу. Увидев мой жест, Наташка усмехнулась и повела странную няню в комнату. Мы с Иркой уставились на Маню.

– Рассказывай, где откопали такое чудо-юдо?

Маруся вздохнула и начала повествование. История выглядела так.

Они приехали в агентство и просмотрели почти всю картотеку. Большинство кандидатов оказались неподходящими. Пожилых отменили сразу. Молодые казались несерьезными. Тут в приемной послышался чей-то робкий плач. Любопытная Маруся выглянула и увидела несчастное существо, рыдавшее у окна. Дочь – девочка жалостливая, и она моментально стала успокаивать незнакомку.

Примерно десять минут понадобилось, чтобы понять, что Лена украинка. Успокоившись и утерев сопли, девушка поведала моим домашним рождественскую историю бедной сироты.

Она закончила десятилетку в маленькой деревне, где невозможно найти работу. А так как в аттестате стояли одни тройки, вопрос о том, чтобы ехать на учебу в город, не поднимался. Пришлось работать на огороде, убирать хату, нянчиться с малышами. В семье, кроме Ленки, еще десять детишек мал мала меньше, крепко пьющий отец и измученная работой мать. Денег не видели давно, вели почти натуральное хозяйство: сажали картошку, держали свиней, кур, корову. Вставали в пять утра, ложились в восемь вечера, чтобы зря не жечь электричество. Телевизора у них никогда не было, а радио сломалось несколько лет назад. Так и провела бы Ленка жизнь в навозе и пеленках, но вдруг судьба сдала ей козырную карту.

Из города, да не из какого-нибудь, а из самого Киева, приехала родная тетка, сестра матери, почти сказочная фея. Что подвигло Фаину навестить родных – неведомо. По их понятиям, она была богачкой, одна одежда чего стоила. В день приезда на тетке красовалась яркая китайская куртка, корейский костюм «Adidas» и отличные черные кроссовки. Выглядела сорокапятилетняя Фаина лет на тридцать, и Ленкина мать смотрелась возле старшей сестры старухой.

Выпили, как водится, за встречу, и Фаина рассказала, что служит у богатого человека домработницей. Работа не пыльная: прибрать, постирать, жарчку сготовить, и платят за все отлично.

Ленка завистливо вздохнула, ей за ту же самую домашнюю работу доставались только побои да попреки. Скромная, молчаливая племянница понравилась гостье. Вечером они сели на крылечке и от души поболтали. К утру судьба Ленки изменилась самым чудесным образом.

Фаина забрала ее с собой. Дочка хозяина недавно родила, и в доме понадобилась нянька. Первые дни Ленка жила как в тумане. Изумляло все – краны в ванной, из которых чудесным образом текла не только холодная, но даже и горячая вода; белоснежный туалет, где после оправки следовало поппикать из баллончика ароматным воздухом; необыкновенная печка, гревшая еду за считанные минуты, да еще и сообщавшая о готовности мелодичным звоном; чайник со свистком.

Впервые у девушки оказалась своя комната, и, ложась спать, она никогда не забывала помолиться о здоровье тетки.

Хозяин, вдовец непонятного возраста, занимался бизнесом: что-то покупал, затем продавал и дома появлялся редко. Дочка Алиса, только что родившая мальчика, день-деньской валялась в кровати, по вечерам же исчезала с мужем. Ленка крутилась как белка в колесе, но после тяжелой деревенской работы нынешняя казалась ерундой.

Примерно через год райской жизни на горизонте возникли тучи. У хозяина начались какие-то неприятности, а от дочери ушел муж. В мае отец отправил Алису в Москву, купив там небольшую квартиру. Так Ленка неожиданно оказалась в России.

Очевидно, дела у хозяина пошли совсем плохо, потому что из Киева перестали поступать деньги. Приунывшая вначале Алиса внезапно приободрилась и стала опять исчезать куда-то по вечерам. А в один прекрасный день объявила, что выходит замуж. Няньке было наплевать, замужем хозяйка или нет, но новый муж тут же приказал рассчитать Ленку, мотивируя решение очень просто: «Не нравится она мне».

Алиса вручила няньке небольшую синенькую книжечку – паспорт – и конверт с деньгами. Дверь захлопнулась, девушка оказалась в прямом смысле на улице.

На несколько дней ее приютила сердобольная лифтерша, она же посоветовала пойти в бюро по найму прислуги. Ленке даже в голову не приходило, что можно обратиться за помощью в посольство. Скорей всего не знала о существовании подобного зверя. Консьержка сама отвела Ленку в бюро по найму прислуги. Отсидев довольно длинную очередь, девушка попала к служащей. Через некоторое время ей с трудом втолковали, что работы в Москве она никогда не найдет. Во-первых, является иностранкой и, следовательно, должна иметь разрешение на трудовую деятельность; во-вторых, полагается предъявить рекомендации. К тому же от няньки в Москве требовалось: минимум – окончить полугодовые курсы, максимум – иметь диплом медсестры. Хорошо, если кандидатка знает английский, компьютер, владеет приемами самообороны.

Бедная Ленка умела только пеленать да тетешкать младенца. Она вышла в коридор, жизнь показалась конченной: ни денег, ни знакомых, ни жилья, ни работы... От отчаяния бедолага завывала в голос, и тут судьба опять вынула из рукава козырь. Плач услышала Маня.

– Надо помочь, – тархтела девочка.

– Украина теперь независимое государство, – машинально возразила я, – надо отвести несчастную в посольство, купить билет и отправить домой.

– Мамусечка, – запричитала Маруся, – ну так жаль девчонку, представляешь, бедняжка даже ничего из одежды не купила, а эта жлобица-хозяйка платила двести рублей в месяц и уверяла, что вполне хватит. Давай дадим ей заработать, смотри, какая милая у нее улыбка.

Я вздохнула, Маня умела вить из домашних веревки. Интересно, что скажет Аркадий.

Но к моменту возвращения Кешки с работы умытая и одетая в старые Машины вещи нянька приобрела приличный вид. Ирка покормила девушку на кухне, и они с кухаркой были тронуты ее старательностью.

– Съела обед, потом перемыла гору посуды в мойке, подтерла пол – и все сама, без приказа. Может, если откормить и научить пользоваться ножом, будет ничего?

Глава 4

Я не оставляла надежды узнать, что связывало семейство Резниченко с погибшей девочкой. Следовало придумать какой-то повод для встречи. Решила использовать в качестве наживки Марусю.

– Манечка, кажется, тебе следует обратиться к стоматологу.

– Зачем это? – удивилась девочка.

– Для профилактики, открой-ка рот.

Маня повиновалась, и я увидела множество абсолютно белых и крепких зубов в розовых, как у кошки, деснах!

Да, дантисту здесь явно нечего делать, тем лучше, просто поглядит на Маньку, а потом и поболтаем.

Владимир любезно согласился принять нас после обеда. Представляясь дантистом, он явно скромничал. Выяснилось, что наш спаситель – владелец стоматологической клиники, оборудованной по последнему писку техники.

Кабинет, куда провели Марусю, напоминал рубку корабля: кругом разнообразные приборы, разноцветные лампочки, экраны телевизоров.

– Вот здесь покажем мультфильмы, – радостно засмеялся Владимир, – а на том увидим, что у тебя с деснами.

На одном из экранов на самом деле запрыгали Том и Джерри. Пока молодой доктор, женщина, похожая на картинку из журнала мод, изучала Марусины клычки, мы с Владимиром отправились в его кабинет.

Здесь все тоже было верхом совершенства – мебель, кофе и коньяк.

– Кажется, у вашей дочери нет особых проблем с зубами, – заметил Владимир.

– Да, но не хочется, чтобы они появились, слышала, будто кариес возникает от недостаточного питания.

Резниченко кивнул головой.

– Существует такая теория, но большую роль играет уход за ротовой полостью, наследственность...

– Значит, если у человека полно кариозных зубов, это еще не свидетельствует о том, что он нуждается?

– Зубы закладываются в организме ребенка во время беременности матери. Если она нерегулярно ела или злоупотребляла табаком и алкоголем, вы гарантированно получите больными даже молочные зубы. Вообще, состояние рта пациента говорит о содержимом его кошелька так же точно, как банковский счет.

– Как это?

– Если все залечены, стоят необходимые коронки, пломбы – следовательно, финансовое положение устойчивое, человек может тратить деньги на дантиста.

– Наверное, тщательно следите за здоровьем жены и детей?

Стоматолог весело улыбнулся.

– Сапожник, как правило, ходит без сапог. Нелли предпочитает другого доктора, у Юры пока нечего лечить, а Ева впадает в истерику при виде бормашины.

– У вас такая милая дочь, – стала я подбираться с другой стороны, – наверное, у нее много подруг, толпятся, должно быть, целыми днями в комнате. У Маруси постоянно кто-то гостит из одноклассниц.

Но Владимир не захотел поддержать тему, сухо сказал, что Ева учится в лицее и подруг не имеет.

Ладно, попробую по-другому.

– Так трудно найти приличную прислугу. Хочу нанять домработницу, но пока не получается. Нелли не может мне помочь?

– Навряд ли. У нас работает только Люда, знаем ее довольно долго и полностью доверяем. А готовит жена сама, она страстная кулинарка. Надо пригласить вас на цветной обед.

– А что это такое?

– Ну, например, зеленый ленч: салат из горошка и капусты, суп из шпината, на второе – овощное ассорти: спаржа, артишоки, затем мятное желе.

– Все блюда зеленого цвета?

– Правильно. Оригинально, да?

– Неужели Нелли готовит все сама? И вы никогда не нанимаете прислугу в помощь?

– Разве что раз в году, на день рождения жены.

– А когда у нее день рождения?

– Скоро, в январе.

Опять ничего не узнала. Ладно, пойду ва-банк. Я закашлялась и, картинно задыхаясь, полезла в сумочку, вытащила носовой платок и «случайно» выронила фото несчастной на стол. Потом стала кашлять дальше, давая Владимиру возможность как следует разглядеть снимок.

Но дантист остался спокоен, только слегка удивился.

– Какая странная фотография, похоже, что ее сделали с трупа.

– Как вы догадались?

– Ну, я же врач – эти открытые глаза, судорога мышц рта. Зачем носите с собой такой неприятный снимок?

Пришлось срочно выкручиваться:

– Вчера приходил в гости полковник и забыл фото, хочу вернуть.

Резниченко никак не прореагировал. Прибежала довольная Маня. Доктор не сделала ей больно и подарила на память о посещении клиники воздушный шарик в виде зуба. Мы расшаркались, откланялись и ушли. Да, тяжела жизнь детектива.

Дома стояла непривычная тишина. Оля лежала в гостиной на диване.

– Разве ты мать? Кукушка, – накинулась на невестку Маруся. – Где дети?

– Спят, – махнула рукой Зайка. – Не понимаю, как Ленка управляется, только оба молчат, когда она с ними возится, и у Аркашки молчат. Ванька ему все время улыбается. Стоит мне подойти, как начинается безумный визг.

В этот момент раздался телефонный звонок.

– Аллю.

– Здравствуйте, – прошуршал робкий детский голосок, – вас беспокоит Ева Резниченко, помните меня?

– Конечно, детка, рада тебя слышать.

– Простите, что беспокою своим звонком, но мне очень нужна помощь.

– Обязательно помогу, если сумею, а в чем дело?

Девушка замялась, потом совсем тихо пояснила:

– Задали сочинение на тему «Фантазия Рабле»...

Я облегченно вздохнула, ну это в моих силах.

– Приезжай прямо сейчас.

Ева добиралась больше часа и вошла, запыхавшись.

– Пожалуйста, не рассказывайте маме о моем визите, – проговорила она, снимая простенькое пальтишко, – я сказала, что отправляюсь на дополнительные занятия в лицей.

– Надеюсь, Нелли не станет проверять.

Ева помотала головой.

– Нет, ей придется самой заниматься с Юрой, а он такой капризный.

В холл влетела Маня, за ней трусой бежали собаки.

– Мамусечка, еду к Сашке, будем готовиться к контрольной. Привет, – кивнула она Еве. Собаки принялись обнюхивать гостью, энергично вертя хвостами. Ева заулыбалась и вытащила из кармана пакетик соленых орешков.

– Можно их угостить?

– Конечно, – разрешила Маруся. – Любишь животных?

– Очень, – покраснела Ева.

– А кто у тебя? Кошка, собака?

– Никого. Хочется хомячка завести, но мама против, говорит, пахнут ужасно и на мышей похожи.

В Марусиных глазах промелькнула жалость, и она унеслась по своим делам. Мы сели в кабинете и начали заниматься французским. Ева оказалась старательной и послушной, но господь явно не рассчитывал, что она станет языковедом. В конце концов, махнув рукой на педагогические принципы, я написала ей сочинение, и мы перешли в столовую.

– Ты любишь чай или кофе?

– Чай лучше, а можно, буду иногда приходить заниматься с вами? Учительница в лицее так быстро объясняет и никогда не повторяет сказанного. В прошлом году я оказалась одиннадцатой на экзамене.

– А сколько человек в классе?

– Двенадцать.

Да уж, не лучший результат. Ева смутилась и взяла пирожное, широкий рукав блузки вздернулся, обнажая худенькую руку. Я увидела на коже многочисленные синяки.

– Что у тебя на руке?

Ева смутилась еще больше и спустила рукав.

– Да так, ушиблась.

И она принялась засовывать печенье в раскрытую пасть довольного Федора Ивановича. Снап и Банди ждали своей доли.

– Какие чудесные собачки, какие прелестные, – не переставала восхищаться девочка и вдруг замолчала. В столовую парочкой вошли кошки – трехцветная Клеопатра и белая Фифина.

– Как, у вас и кошки живут? Ой, очень, ну просто ужасно хочется котенка.

– В чем же дело?

– У мамы аллергия на шерсть.

«Похоже, что Нелли просто не любит животных, – подумалось мне, – и интересно, кто бьет бедную Еву по рукам?»

Глава 5

Междугородные звонки почему-то всегда раздаются рано утром. То ли люди забывают о разнице во времени, то ли массово экономят деньги, пользуясь льготным тарифом. Вот и сейчас будильник показывал шесть утра, когда я сняла трубку.

– Привет, москвичка, – завопила мембрана, – не раздумала встречать с нами старый Новый год? Учти, едем все, выдержишь нашествие?

Это был Левчик, вернее, Лев Константинович Арцеулов. Сколько лет мы знакомы, сказать страшно, так долго не живут. Дружили еще наши родители. Существовала семейная легенда о том, как моя мать, придя в гости к Арцеуловым, села на сломанный стул и упала. В результате я родилась на три недели раньше срока.

С Левчиком и его братом-погодком Генкой мы сидели в одной песочнице, ходили в одну школу. Дороги не разошлись и на первом курсе института. Но когда Арцеуловы перешли на второй, их мать неожиданно заболела туберкулезом. Врачи порекомендовали немедленно уехать в Ялту. Семья за две недели провернула обмен и перебралась на берег моря. Я стала ездить к ним отдыхать. Но кто мог подумать, что через десяток лет мы окажемся в разных государствах?!

Братья Арцеуловы – преподаватели французского, и если можно найти двух совершенно непохожих людей, то это они. Левчик толст, как носорог, одышлив, шумен, постоянно со всеми ругается. Генка, похожий на спичку, по большей части молчит. Левчик обожает шумные компании, застолье, вкусную еду. Генка предпочитает сидеть в одиночестве с книжкой, приход гостей приводит его в состояние коллапса.

Насколько не похожи братья, настолько же различны и их жены. Соня, супруга Левчика, трудится в школе. Вернее, она ходит на работу тогда, когда не хворает. А болеет Соня постоянно. Даже не помню всех болячек – остеохондроз, мигрень, желудочные спазмы, плохой гемоглобин и еще много всего. Двадцать дней из месяца она проводит, бегая по поликлиникам, остальные ноет и жалуется. Соньке на самом деле трудно жить, она всегда находит объект для зависти.

Катюша, жена Гены, совершенно другая. Талантливый педагог, спокойная, уравновешенная и безумно логичная. К сожалению, у нее на самом деле слабое здоровье, за плечами две операции, но стойкая Катя предпочитает не распространяться о недугах.

Полярно разные во всем (Сонька – толстая и высокая, Катя – худенькая и мелкая), они совпадают в одном – обе самозабвенные неряхи.

Их гигантская пятикомнатная квартира с закоулками напоминает склад забытых вещей. Телефонная книжка отыскивается в холодильнике, носки таинственным образом прячутся в хлебнице. Впечатлительный Левчик, обнаружив колготки на кухонном столе, начинает моментально плевать огнем. Генка, увидев расческу в компоте, молча вынимает ее и выпивает стакан – не пропадать же продукту. И вот теперь все семейство едет к нам.

Утром в аэропорту я увидела их сразу: Левчик с Сонькой возвышались над толпой.

– Ну наконец-то встретились, – завопил Левка, обнимая Маню и Наташку. – Сонька, погляди, какой ребенок большой.

– Лева, может, чемодан получишь? – напомнила жена.

– Конечно, ты у нас умная, а я дурак. Не помнишь, без багажа уйду, что бы я один делал, разумная ты моя, – вызверился Левчик.

Сонька меланхолично закурила, Генка и Катюша тихо улыбались.

Мы расселись по машинам и покатали домой. Аркашка и Оля стояли в холле, тут же толпились животные.

Увидев кошек, Сонька вздохнула:

- Надо супрастин принять, у меня аллергия на кошачью шерсть.
- У тебя на жизнь аллергия, – отрезал муж.

Дети развели гостей по комнатам, потом Оля сказала:

– Звонила эта девочка, Ева Резниченко, хотела приехать. Не знаю, удобно ли, все-таки праздник.

Но желание что-нибудь узнать о бедной убитой было так велико, что я предложила:

- А давай позовем и Владимира с Нелли.

Стоматолог пришел в восторг:

- Как мило. Обязательно приедем, хочется посмотреть на близнецов.

- Возьмите обязательно Еву.

- А кто же останется с Юрой?

Они и вправду сделали из девочки прислугу.

- Обязательно возьмите Еву, хочу подружить их с Машей.

Услышавшая наш разговор Маня моментально отреагировала:

- Придет эта девочка? Ну та, которой хомяка даже не разрешают купить?

- Надеюсь, позови Ирку.

Праздничный ужин подали в восемь вечера. Сначала состоялось знакомство близнецов с Резниченко. Аркашка и Ольга принесли детей вниз. Владимир восторженно загукал, Нелли вежливо улыбалась, похоже, она и вправду не любила детей. Ева на этот раз была одета в роскошное сиреневое платье с длинными рукавами. На шее висела массивная золотая цепочка, одна щека казалась чуть припухшей.

Ваня и Аня мирно спали, позвали Ленку. Та спустилась в столовую, шмыгнула носом и пропела:

- С добрым вечером вам, люди добрые.

Генка ласково улыбнулся:

- Здравствуйте, это вы няня прелестников?

- Ага, – пробормотала Ленка, во все глаза глядя на Резниченко.

- Надо же, какая она стеснительная, – проговорила Катя, когда няня унесла близнецов.

- Где вы взяли эту девушку? – внезапно спросил Владимир.

– В агентстве по найму, – быстро проговорила Наташка, решив особо не распространяться на эту тему.

Все начали есть.

– Неправильно кухарка готовит кулебяку, – заявил Левчик. – Настоящий, подлинный пирог с капустой умела готовить только моя бабушка. Здесь есть один секрет, надо научить и вас.

Генка улыбнулся и молча взял еще один кусок. Катюшка посмотрела на Еву, сидящую перед пустой тарелкой.

- Положить вам что-нибудь?

Девочка показала на рыбный салат. Катюшка нацелилась ложкой, и тут Нелли злобно проговорила:

- Не кладите ей. У дочери аллергия на рыбу.

– Аллергия, – протянула Соня, – как плохо. Сама всю жизнь мучаюсь, того не съешь, этого не выпей. Апельсины, мандарины, креветки – не для меня. Одни страдания.

- Ты еще анализ мочи тут покажи, – завелся Левчик, – задницу продемонстрируй.

Аркашка хихикнул, и Левка сурово поглядел в его сторону.

Надвигающийся скандал предотвратила Маруся.

– Старый Новый год, – принялась она объяснять Резниченко, – такой совершенно особый праздник. Но все-таки Новый год, поэтому обязательно следует дарить подарки. Я, например, приготовила сюрприз для Евы, сейчас принесу.

Клетка выглядела потрясающе. На первом этаже беговое колесо, разные веточки, камушки. На втором – домик с окошками. Из дверцы торчала серенькая мордочка.

– Это Вилли, – проговорила Маша, – давай выходи.

И она тряхнула клетку. Толстоватенький Вилли вывалился наружу, и в проеме показалась беленькая рожица.

– Прошу знакомиться, Дилли, – представила Маня. – А здесь, – она показала пакет, – корма и разнообразные хомяковые лакомства – грызальные палочки с укропом, зерна с медом. Нравится?

Онемевшая от восторга Ева закивала головой. Нелли в возмущении замахала руками:

– Нет-нет, от животных ужасный запах, не вынесу вони.

– Мамочка, – принялась упрашивать Ева, – Вилли и Дилли будут жить у меня в комнате, только в клетке. Ну, пожалуйста! – и она умоляюще сложила руки.

– Неприлично отказываться от подарков, – вмешалась Оля, – придется брать хомячат.

Владимир попытался успокоить жену:

– Ну, дорогая, посмотри, какие забавные зверьки. Может, ты их полюбишь.

– Этих жутких крыс? Никогда! Да у меня сейчас будет приступ астмы и страшно заболела голова, просто раскалывается.

Я взяла свою сумочку и вытрясла содержимое на журнальный столик. Где-то валялись таблетки от головной боли. Так, губная помада, ключи от машины, несколько конфеток, булавки, фотография убитой...

Нелли издала странный клопочущий звук и уставилась на снимок.

– Что это, что это? – повторяла женщина, без остановки тыча пальцем в снимок. Лицо ее покрылось капельками пота, глаза ввалились, и, всхлипнув, гостя кулем рухнула на ковер.

Глава 6

Владимир позвонил с извинениями на следующий день:

– Простите, кажется, испортили праздник.

Я великодушно стала успокаивать огорченного мужчину:

– Ерунда, с каждым может случиться. Как самочувствие Нелли?

– Ужасно! Не пойму, чем ее так испугала фотография? Конечно, снимок более чем неприятный, но не до такой же степени, чтобы сознания лишиться. Вообще жена последнее время крайне плохо себя чувствует. Постоянные головные боли, раздражительность, скачки настроения. Думаю показать ее невропатологу...

Я выслушала жалобы и повесила трубку. Со второго этажа раздавались звуки нарастающего скандала. Хлопнула дверь, и красный от злости Левчик спустился в гостиную.

– Ну и придурки.

– Кто?

– Да все. Генка, Катька.

Вышеназванные «придурки» тихо вползли в гостиную.

– Очень хочется поехать посмотреть Суздаль, – сказала Катя.

– Прекрасно, – оживилась Наташка, – надо связаться с бюро экскурсий и заказать места в автобусе.

– Вот еще, – фыркнул Левчик, – не желаю никуда ехать. Представьте только: сначала трясешься в переполненной машине, где кого-нибудь обязательно тошнит. Затем гуртом бегаешь по музеям и слушаешь дурацкого экскурсовода, потом ночуешь черт-те где! Увольте, ни за что!

– Когда я еще попаду в Москву, – вздохнула Катюшка, – очень хочу побывать в Суздале, мы с Геночкой давно об этом мечтали, правда?

Генка согласно кивнул головой.

– И чего там смотреть? – завелся братец. – Одни развалины. Да я лучше любого экскурсовода расскажу об этих церквях.

И он трубно засмеялся. Мы с Наташкой переглянулись. Не существовало области, в которой Лева не был бы, по его словам, знатоком.

– И я не хочу ехать, определенно укачает, – вставила подошедшая Соня.

– Ну расскажи, расскажи, как блюешь в машине, – рассердился Левка.

Я в который раз удивилась Сонькиному долготерпению.

– Все-таки очень хочется посмотреть на Суздаль, – гнула свое Катя.

– Ой, да замолчи, сказал, не поеду, – взорвался старший брат.

– Никак не пойму, о чем спорите, – поинтересовалась Оля, – пусть Гена и Катя едут, а Лева с Соней остаются в Москве. Совсем не обязательно везде вместе бегать.

Такую замечательную мысль встретили с восторгом, и Катька побежала одеваться. Минут через пять она смущенно зашла ко мне в комнату.

– Дашенька, не одолжишь колготки? Стала одеваться и зацепила.

Я с радостью вынула из шкафа новую пару, и Катюша тут же принялась ее натягивать. Она подняла юбку, и я увидела на животе длинный шрам.

– Катька! Что это у тебя на брюшке?

Женщина замялась, потом проговорила:

– Представляешь, года два тому назад обнаружили миому. Конечно, опухоль доброкачественная, но все равно сделали полостную операцию, выпотрошили, как курицу. Потом пришлось почти год восстанавливаться. Шрам, конечно, остался, приходится на пляж надевать только закрытый купальник.

– Болит?

– Нет, просто некрасиво выглядит, ну и, конечно, тут же климакс начался – приливы и все остальное. Но сейчас все давно позади.

И она одернула вельветовую юбку.

В доме временно наступила тишина. Наташка вместе с одной частью Арцеуловых уехала в бюро путешествий. Старший брат с женой двинулись в ГУМ. Аркашка работал, Маня готовила доклад в Ветеринарной академии, Оля и Ленка гуляли с близнецами. Как хорошо дома одной! Тихо. Наслаждаясь покоем, я растянулась на диване, в руках – любимый роман Агаты Кристи, на столике сигаретка и чашка кофе. Прибежали собаки. Банди тут же вспрыгнул на диван, я погладила его крепкую шелковую спинку и почувствовала, как слипаются глаза. Сладкий сон закрыл веки. Но тут пришла Клеопатра.

Сначала кошка старательно топталась у меня на животе. Потом принялась тереться мордочкой о подбородок. Увидев, что хозяйка продолжает дремать, Клепа прижала холодный мокрый нос к моему уху. Вибриссы ужасно щекотали лицо. Кошка упорно вертела носом. Затем, понимая, что хозяйка не встает, она вытянула лапу, поставила ее мне на лицо и слегка выпустила когти. Клеопатра была целеустремленной и всегда добивалась своего. Сейчас она желала «Вискас».

Я приняла вертикальное положение и посмотрела на мучительницу.

– Ну и свинья ты, Клепа, придется вставать кормить.

Тут затрещал домофон. Да, отдохнуть не удастся. Это приехала с очередным заданием по французскому Ева. Девочка выглядела оживленной и счастливой.

– Вилли и Дилли просто прелесть. Целый день едят, потом спят так смешно на спине, растопырив лапки. Такие хорошенькие.

– Мама не очень ругается?

Ева захихикала.

– А ее нет.

– Как нет?

– Папа утром отвез маму в клинику нервных болезней, говорит, что у нее невроз и его следует лечить. К тому же для Юры позвали няню. Ой, они так ругались, когда от вас приехали, – поведал бесхитростный ребенок, – орали на всю квартиру. Правда, папа только шипел, ну а мама просто визжала, а потом плакать стала!

То, что Резниченко оказалась в больнице, казалось, радовало дочь.

– Надо съездить навестить ее, знаешь адрес?

– Адреса не знаю, но помню название.

Мы сделали задание, попытались разобраться в глаголах. Ева прилежно старалась вникнуть в тайны спряжений, когда телефонный звонок оторвал нас от работы. Пожилой женский голос попросил Еву. Девочка схватила трубку и сказала:

– Прости, Серафима Ивановна, задержалась. Не волнуйся, сейчас поеду домой.

– Кто это? – удивилась я. – Вроде ты никому не хотела рассказывать о занятиях.

– Серафима Ивановна, няня. Она безумно старая, еще папу нянчила. А теперь, когда мама в больнице, отец пригласил ее приглядеть за Юрой. Серафима Ивановна уже больше не работает, но папу обожает, поэтому и согласилась. Жить у нас она отказывается, ездит к себе в Ясенево. Это далеко, вот я и должна пораньше приехать домой, чтобы отпустить Серафиму Ивановну. Юра такой капризный, ни за что не останется с Людой, будет орать как заведенный. Да вы не волнуйтесь, няне можно доверить любой секрет. К тому же она терпеть не может маму и ничего ей не расскажет.

На следующее утро, купив красивую орхидею, я отправилась навестить Нелли. Многое в ее поведении казалось странным.

Конечно, фотография не из самых красивых, но и не ужасна. Лицо девушки вполне узнаваемо, и оно не обезображено. Что же так напугало Резниченко, из-за чего женщина лишилась

рассудка? И потом, явная злоба по отношению к Еве, по-моему, мать просто бьет ребенка. Интересно, догадывается об этом Владимир?

Клиника располагалась в тихом уголке. Большой парк со старыми деревьями, которые летом, наверное, полностью укрывали здание от любопытных взглядов. Но сейчас, зимой, трехэтажный дом был виден как на ладони. Почти все окна второго и третьего этажей забраны решетками, в воротах стояли два охранника. Они долго придирчиво расспрашивали о цели визита, один связался с лечащим врачом.

«Ну и порядки, – подумалось мне, – как в тюрьме».

Наконец разрешение было получено, ворота распахнулись, и я въехала во двор.

В холле тихо сидело несколько человек, скорее всего родственники. Я подошла к справочному окошку.

– Где найти Нелли Резниченко?

– По какому вопросу? – прокаркал тучный лысый мужчина.

Ничего себе заявление для больницы!

– Хочу навестить, передать цветы.

– Не положено, только родственникам.

– Я ее сестра.

– Фамилия, имя, год рождения?

Боже мой, где-то я уже слышала подобные вопросы!

– Дарья Васильева.

Бдительный страж подал пропуск, не забыв отметить время входа: 12.10.

Я побрела по коридору, поглядев на клочок бумаги: палата 18. Комната оказалась на втором этаже, одна из тех, окна которых закрывала решетка. Нелли лежала на гигантской кровати и читала поваренную книгу. Увидев меня, она изумилась:

– Даша? Как узнали, что я здесь?

– Одна маленькая птичка на ушко нашептала. Вот. – И я протянула орхидею.

– Что за прелесть, – восхитилась больная, – обожаю цветы, да еще розовые, мой любимый цвет.

– Как самочувствие?

Женщина картинно прижала пальцы к вискам.

– Так болит голова. Всю жизнь мучают мигрени. С двенадцати лет раз в месяц укладываюсь в кровать с дикой болью. Просто ужас! В мозги втыкается тупая палка, тошнит, такая мука. Из-за проклятой болячки даже образование не сумела толкового получить, только школу кое-как удалось закончить. Вот у вас в гостях упала в обморок, а все Володя. Поедем, поедем, развлечемся. Какие развлечения с мигренью. Испортила праздник.

Я огляделась по сторонам: в комфортабельной палате отсутствовал телевизор.

– Да, – продолжала Нелли, – телевизор убрали, говорят, он вреден, радио тоже нельзя, и читать велели поменьше. Со скуки сдохнешь. Впрочем, родилась идея. Знаете, обожаю готовить, закончила даже специальные курсы для домохозяек. Рецептов знаю тьму, многие очень оригинальные. Вот вы, например, умеете правильно варить бульон?

– Помыть мясо, положить в холодную воду, посолить...

Нелли радостно рассмеялась:

– Уже две ошибки. Мясо класть в кипяток на несколько секунд; потом воду вылить и наполнить кастрюлю заново. Солить следует с умом – в начале варки, если хотите вкусный бульон, или в конце – тогда мясо будет лучше. Еще хорошо положить маленький кусочек рафинада.

– Сахара?

– Именно его, улучшится цвет и пропадет сальный привкус бульона. В кулинарии полно мелких хитростей. Вот я и решила, а не написать ли поваренную книгу, даже начала работу. Сейчас покажу.

С этими словами женщина отбросила одеяло и встала. Легкий халат распахнулся, обнажая живот, и я увидела большой белый шрам, точь-в-точь как у Катюшки. Проследив за моим взором, Резниченко вздохнула:

– Пришлось несколько лет тому назад удалить желчный пузырь. Теперь, конечно, могу носить только закрытый купальник, бикини отпадает.

Она пошла к шкафу, но тут дверь распахнулась, и вошел Владимир.

– Нелли, принес... – Он замолчал, увидев меня, и довольно бесцеремонно спросил: – Зачем приехала, Даша?

– Хотелось доставить госпоже Резниченко удовольствие, – я показала на орхидею.

– И о чем вы тут болтали?

– О ерунде, дорогой, – быстро вмешалась Нелли, – тебе неинтересно: рецепт бульона.

– Не припомню, чтобы сообщал вам адрес клиники, – продолжал злиться Владимир.

– В Москве не так много больниц подобного профиля, позвонила по справочным и сама узнала. Впрочем, наверное, утомила больную, – и я стала прощаться.

Владимир недовольно смотрел мне вслед.

В коридоре, сразу же за палатой Нелли, находился туалет для посетителей. Несколько минут понадобилось на текущий ремонт прически и макияжа. Затем я двинулась в обратный путь.

За дверью с надписью «Ординаторская» слышался разговор на повышенных тонах. Один голос явно принадлежал стоматологу.

– Плачу́ безумные деньги и требую хорошего выполнения работы. Ясно объяснил, что моя жена не желает никого видеть. Она перенесла стресс и нуждается в покое. А только что застал в палате весьма назойливую даму, как это прикажете понимать?

Другой голос, очевидно, принадлежащий врачу, робко возразил:

– Мы подумали, что сестру можно пропустить, женщина сказала...

– Никаких сестер, братьев, племянников и теток у Нелли нет, – гремел Владимир. – И с данной минуты в ее палату впускают только меня.

Я пошла к выходу, надеясь, что грубияна хватил апоплексический удар.

Глава 7

Дома тоже шумели. В гостиной Левчик тряс перед заплаканной Сонькой куском разноцветного меха и грозно вопрошал:

– Отвечай сейчас же, что это такое?

– Шуба, – пробормотала жена.

– Ах, шуба, – взревел Левка, – шубка из кого будет? Кому принадлежала при жизни, шанхайскому барсу?

– Это камышовая кошка, – еще тише проговорила Сонька, – дикая камышовая кошка.

– Нет, – завопил Левка, – это самая обычная домашняя киска, которая гуляла в камышах, а ее там поймали, освежевали и тебе, дуре, продали. Как можно, не посоветовавшись со мной, покупать дрянь?

– А посоветовавшись с тобой, можно покупать дрянь? – съехидничала логичная Катька.

– Молчи лучше, кенгуру рогатая.

– Катька совершенно не похожа на кенгуру, – занудил Генка, – и где ты встречал кенгуру с рогами?

Левка побагровел, схватился за сердце и рухнул в кресло. Сонька кинулась за водой, Катюшка стала запихивать в зятя нитроглицерин. Пока буян переводил дух, мне рассказали печальную историю покупки шубы.

После посещения ГУМа старший Арцеулов устал и поехал домой. Сонька же пошла бродить по городу. Какой ветер дул ей в спину, неясно, но женщина забрела на вьетнамский рынок. Там и повстречался араб, торговавший шубами по баснословно низкой цене – всего две тысячи рублей.

Сонька примерила мантию, и оно показалось очень даже ничего: белое в рыжих и черных пятнах. Мех выглядел натуральным, шелковистым и мягким. Любезный говорливый торговец объяснил, что это шкурки камышового кота. Исключительно ноский и прочный материал. Продается по такой смешной цене просто потому, что араб торопится уехать домой в Республику Бонго, где, кстати, и живут уникальные звери.

– Нигде в мире не встретите подлинного камышового кота, – вещал араб, охмуря жертву, – только в джунглях Бонго осталась небольшая популяция, не сомневайтесь, исключительно удачная покупка.

Одуроченная Сонька отдала деньги и довольная явилась домой. Здесь на ее голову упал карающий меч.

– Бонго, – возмущался муж, – просто географический кретинизм. Нет такой страны, образованная ты моя! Сходи в своей школе в пятый класс на урок географии, чучело гороховое. И где в джунглях камыши?

Бедная Сонька разрыдалась, Левка сосал нитроглицерин. Шуба одиноко валялась на диване. В комнату величаво прошествовала Клеопатра. Она подплыла к дивану и стала нервно обнюхивать обнову.

– Бабушку узнала, – хихикнул Левка.

Клепа несколько раз энергично фыркнула, потопталась и улеглась прямо на шубку. Ее шкурка абсолютно слилась с мантией, сразу стало видно, что мех кошачий, даже пятна Клеопатриной расцветки. Увидев эту картину, Сонька заплакала еще громче. Левка же неожиданно пришел в отличное расположение духа.

– Хватит рыдать, – принялся он успокаивать Соню, – ну, дура ты, так помни всегда об этом. А шубка вроде и ничего, дешевенькая. У тебя в школе такие же идиотки работают, скажешь им про камышового кота, поверят как пить дать.

На следующий день произошло событие, начисто заставившее всех забыть злосчастную шубу: пропала Ленка.

Утром она, как всегда, погуляла с близнятами, уложила их спать после обеда и... исчезла. Во всяком случае, в доме няньки нигде не было.

Хватились Ленки часов в пять. Сначала Оля решила, что девушка устала и легла отдохнуть. Потом все-таки постучала к ней в дверь, но та не отвечала. Зайка заглянула внутрь – кровать аккуратно застелена, все вещи на месте, нет только хозяйки.

– Куда могла подеваться? – недоумевала невестка. – Может, погулять пошла?

На дворе стоял противный, дождливый январский вечер, хорошая собака хозяина не выведет в такую погоду. Так что версию прогулки отвергли сразу.

– Может, по магазинам пошла? – предположил Аркадий.

Тоже маловероятно, украинка так и не выучила как следует русский и одна старалась никуда не ходить. Даже за обновками в ближайший универмаг повезла ее Наташка.

– Вдруг ее украли и теперь потребуют выкуп? – выпалила Маня.

Полный бред! Но Ленки не было, не вернулась она и утром.

После полудня пришлось позвонить Александру Михайловичу.

– Почему вчера не сообщили сразу? – принялся отчитывать полковник. – Сколько ей лет?

– Кажется, двадцать.

– Не надо беспокоиться, скорей всего осталась у любовника на ночь. Выспится и придет.

– Да нет у нее любовников.

– Откуда можешь знать? Недавно был случай, задержали при облове проститутку, а у той в номере за ширмой девочка лет двух играет. Ну, мамашу в камеру предварительного заключения, ребенка в приют. Вечером поступает заявление о пропаже дочери у депутата парламента. Пошла гулять с гувернанткой, и обе не вернулись домой. Всю милицию на ноги поставили, киднепинг заподозрили. И угадай, что оказалось? Бонна их подрабатывала на панели и девочку с собой брала, вроде на прогулку. За два часа несколько клиентов пропустит, и хватит. А ты говоришь – нет любовника. Подождем еще денек.

Но и на следующий день Ленка не объявилась. Близнецы орал в детской, Аркашка не пошел на работу, пытаясь помочь Ольге.

– Вернется шалава, ноги выдерну, – злился он, сворачивая закаканный памперс, – что за безответственность.

После обеда опять позвонили полковнику. На этот раз Александр Михайлович не шутил.

– У кого из вас нервы покрепче, пусть приедут в морг.

Я испугалась:

– Боже мой, она погибла.

– Не знаю пока, есть две подходящие кандидатки, надо посмотреть.

Мы с Аркашкой отправились на опознание. На одном из покрытых нержавеющейкой столов лежала молодая женщина. Жаль бедняжку, но, к счастью, жертва незнакома. На другом, странно вывернув голову с темно-русыми волосами на сторону, покоилась наша нянька. Тело ее, распростертое на прозекторском столе, казалось странно длинным.

– Это она, – пробормотал потрясенный Аркадий, – Ленка, какой ужас, вот бедняжка...

Мы поднялись в комнату для родственников. Александр Михайлович участливо взглянул на нас:

– Давайте заполним бланк опознания. Можете назвать фамилию, имя, год рождения?

Аркашка растерянно поглядел на Александра Михайловича:

– Зовут Лена, фамилию и год рождения не помню.

Александр Михайлович взглянул на меня. Я отрицательно помотала головой. Александр Михайлович начал злиться:

– Пустили человека в дом и даже фамилию не знаете? Где вы ее вообще взяли?

Пришлось рассказать правду. Александр Михайлович пришел в полное негодование:

– Стоило заболеть на две недели, как тут же делаете кучу глупостей! Мало ли кто что расскажет! Так и пустили к себе, даже документов не посмотрели и детей доверили? Нет слов.

– Я видел ее паспорт, – принялся оправдываться Аркадий.

– Ладно, – вздохнул полковник, – поехали домой.

В холле нас радостно встречали собаки.

– Наверное, его нужно поменьше кормить, – заметил Александр Михайлович, пощипывая Хучика за жирные складки на шее. Мопс от восторга и удовольствия жмурил глазки.

– Александр Михайлович, – обрадовалась Наташка, – как здорово, что решили заехать, сейчас кухарка бланманже готовит.

– Не знаю, не знаю, – пробормотал полковник, – я при исполнении.

– А что ты исполняешь? – поинтересовалась Маня.

– Ну, хватит, – вышел из себя полковник, – показывайте комнату погибшей.

Наташка и Маня охнули от ужаса, и мы пошли на второй этаж. Ленкина спальня самая маленькая в доме – метров пятнадцать, не больше. Раньше здесь была бельевая, потом Наташка с Иркой превратили помещение в кладовую. Тут хранились банки с запасами, всякие травы, корни. С появлением няни продукты убрали, но запах остался, и Александр Михайлович, войдя внутрь, тут же чихнул.

В спальне не так уж много вещей – шкаф, стол, кровать, комод, пара стульев, кресло, торшер и небольшая тумбочка с ночником. Покрывало аккуратно застелено, под подушкой обнаружилась неожиданно красивая и скорее всего дорогая пижама. В шкафу висели носильные вещи. Кроме жуткого самовязаного свитера и юбки-обдергайки, в которых я привыкла видеть Ленку, на вешалках нашлось несколько красивых платьев, джинсы, блузки. Поразило нижнее белье – дорогое, красивое, но каких-то диких расцветок: красное, оранжевое, зеленое.

Паспорт увидели в комод. Полковник развернул книжечку, с фотографии глянула серьезная Ленка.

– Оксана Криворучко, – медленно прочитала Наташка и изумилась: – Разве Лена – уменьшительное от Оксаны?

Следующим удивлением стал возраст: выходило, что няньке около тридцати, точнее, двадцать восемь с половиной лет.

– То-то Женя утверждал, что она не первой молодости, – удовлетворенно сказал Александр Михайлович, – к тому же по крайней мере уже один раз рожала.

Мы уставились на полковника во все глаза. Про ребенка Ленка не рассказывала. Но комод скрывал еще один секрет: под стопкой нераспечатанных колготок обнаружился довольно пухлый конверт. Внутри лежали деньги на общую сумму двадцать тысяч долларов. Ничего себе бедная сирота!

– Поглядите на белье, – сказал Александр Михайлович и двумя пальцами подцепил красный кружевной лифчик, – а потом подумайте, каким местом заработала ваша нянька деньги.

Мы молчали, пораженные открывающейся картиной.

– Как звали хозяйку, ну ту, что выгнала ее на улицу? – поинтересовался полковник.

– Кажется Алиса, – робко вспомнила Маня, – а может, Алена, в общем, как-то на А.

– Как-то на А, – передразнил приятель, – да вы просто куры безмозглые.

Глава 8

Генка и Катюша уехали смотреть Суздаль. Левчик рылся в развалах торговцев книгами, Сонька рыскала по магазинам. Я застала ее в холле примеряющей у зеркала шапочку из крашеного кролика.

– Смотри, какая прелесть, – восторгалась Сонька, поворачивая голову в разные стороны.

– Симпатичная, – без всякого энтузиазма сказала я, – кролик – чудесная парочка для кошки.

– Кролик? – возмутилась подруга. – Да глаза открой, это же розовая шиншилла.

– Кто? – изумилась я от души. – Розовая шиншилла? Всегда считала, что у этой несправедливо дорогой крысы серо-голубой мех.

– Действительно, – согласилась Сонька, – розовая шиншилла встречается крайне редко. Дело в том, что она обитает только в Австралии на почвах, богатых марганцевой рудой. Ест там всякие корешки, растения, и мех приобретает вот такой редкий отлив.

Из моей груди вырвался смешок. Несколько десятилетий тому назад, году этак в 1960-м, бедные студенты-биологи освоили нехитрый фокус. Белых лабораторных мышей, стоивших пять копеек пара, поили несколько дней слабым раствором марганцовки. Шкурки грызунов приобретали приятный оттенок, и нищие студенты торговали ими на Птичьем рынке уже по рублю за штуку. Назывались диковинные животные: «Розовый австралийский мышь».

Не знаю, пил ли несчастный кролик перед смертью марганцовку или тушку покрасили после кончины, но было ясно: Сонька опять наступила на грабли, поверив уличному торговцу. Хотя сама по себе шапочка выглядела не так уж и жутко.

– Остается только купить перчатки из мексиканского тушкана, – невольно вырвалось у меня.

– Мексиканский тушкан, – оживилась Соня, – никогда не слышала, что, очень дорого?

Без няньки очень трудно управляться с близнецами. Ольга похудела и осунулась. Ирка ложилась грудью на амбразуру, но ночью Кешка и Зайка оставались с детьми наедине. Спать они просто перестали и днем ходили на лунатиков. Наташка проявляла редкую непреклонность:

– Давайте их на ночь ко мне, согласна качать крикунов, но в агентство больше не пойду, хватит. Сами вырастим, без подозрительных нянек.

Однако, повозившись ночью с Ванькой и Анькой, подруга стала посговорчивей:

– Хорошо, поищем няню по знакомым, но чтобы только с папкой рекомендаций. А пока поделим дежурства по-честному. В понедельник их трясусь я, во вторник – Маруся, в среду – Дашка. Арцеуловым тоже нечего прохлаждаться, пусть забирают к себе в четверг, ну а пятница с субботой достанется родителям.

– А воскресенье? – спросила Маня.

Наташка призадумалась.

– Хорошо, пусть воскресенье тоже мое.

В разделении обязанностей была своя сермяжная правда, и план мне очень понравился, но только до шести утра среды. Именно в это время в спальню ворвалась невыспавшаяся Манька с племянниками.

– Вот, – радостно проговорила она, сваливая кульки на кровать, – уже утро среды – твоя очередь.

Ванька и Анька мирно посапывали, пуская пузыри.

«Что же, все-таки устают, – подумала я, – милые дети прекрасно спят. Просто ангелы».

Анька открыла глаза, посмотрела, улыбнулась, потом сморщилась и завопила. Следом немедленно заорал братец. Я лихорадочно кинулась к бутылочкам, но, поев, изверги не утешились. Крик усилился.

Я размотала Ванькины штанишки и обнаружила изумительно закаканную попку, такой же пейзаж наблюдался и в Анькиных ползунках. Сбросив испачканные памперсы в пакет, я потащила притихшего Ваньку в ванную, Анька продолжала заходиться на кровати. Пока я мыла братца, сестричка притихла и принялась издавать какие-то странные, похожие на громкое чавканье звуки.

Когда мы с чистым и довольным Ванюшкой вернулись в комнату, Аня лежала на одеяле, суча ножками. Попка ее была удивительно чистой, даже блестя.

Я так и села. Слышала, конечно, о таинственной связи между близнецами, но чтобы такое... Анька довольно гулила. Из-под кровати высунулась морда ротвейлера. При первом взгляде на пасть пса стало понятно, кто помыл девочку.

– Снап, – завопила я, ухватив ротвейлера за гладкий загривок, – это не щенки, а дети!

Пришлось тащить упирающегося кобеля в ванну и мыть ему рот, щеки и нос мылом, чистить зубы, чтобы избавиться от запаха. Снап чихал и плевался, к концу процедуры мы оба вымокли до нитки.

Вернувшись в комнату, обнаружила, что Анька пописала на одеяло, а Ванюшка освежил подушки.

Короче говоря, дня я не заметила. Дети ели, писались и орали, спать не хотели ни под каким видом. Поэтому, когда в шесть вечера оба вдруг затихли и дружно засопели, я даже боялась пошевелинуться, чтобы не разбудить мучителей. Но тут в спальню постучали, приехала Ева. Она умилилась при виде детей.

– Какие лапочки!

– Только когда молчат. Очень тяжело с двумя, да еще с такими беспокойными.

– Надо нанять няню.

– Трудно отыскать хорошую, один раз уже ошиблись.

– Хотите, попрошу Серафиму Ивановну, – предложила Ева, – она, конечно, старенькая, но бойкая и дело знает, еще папу нянчила. Серафима Ивановна всем понравится: она добрая и детей любит.

– А Юра?

– Люда справится.

И, горячая желанием помочь, Ева кинулась домой уговаривать няньку.

Старушка прибыла в четверг, в самый драматический момент: Левка и Сонька купали детей. Из ванной неслись душераздирающие вопли.

– Корова безмозглая, – вопил муж, – проверь температуру воды поскорей. Аккуратней, аккуратней, ручку ему сломаешь.

У Арцеуловых никогда не было детей, и вид крошечных младенцев поверг сначала Левку в шок. Потом он робко взял Ваньку на руки.

– Ну и глупость, заматывать ребенка в памперсы, коже следует дышать, просто матерям лень пеленки стирать, – завелся Левка, нежно прижимая визжащего Ваньку к необъятному животу, – поэтому и кричит мой крольчоночек, усики-лапушки, сладенький, пойдем, дядя Лева объяснит маме и папе, что они идиоты.

И он вытащил братца из памперсов. Ванька замолчал и заулыбался розовым беззубым ротиком. Левчик умилился:

– Рыбонька любимая. – Потом повернулся к Соньке и рывкнул: – Ну, чего встала, как собака недоеная, сними с девчонки компресс из пис и неси ребенка в спальню. Да сбегайте за «Нестле».

– Мы их кормим «Семилаком», – робко сказала Наташка.

Левка поднял одну бровь и посмотрел на подругу, как на диковинное насекомое.

– Вы – «Семилаком», а я буду – «Нестле». Еще моя прабабушка кормила бабушку кашей этой фирмы. И не спорьте, только «Нестле».

То ли продукция зайца Квики пришлась близнецам больше по вкусу, то ли отсутствие памперсов подняло настроение, но весь четверг братец с сестрицей весело гулили, приводя Левку в полный восторг, чего нельзя было сказать о его жене. Бедная Сонька валилась с ног: сначала стирала пеленки, потом по приказу мужа гладила их с двух сторон, затем тщательно кипятила бутылочки и соски. Левка любил обстоятельность во всем. И сейчас оба сражались в ванной, проверяя температуру воды.

Серафима Ивановна оказалась сухонькой, бойкой, непохожей на старушку женщиной. Волосы ее, уложенные аккуратными колечками, переливались красивым рыжим оттенком, щеки рдели легким косметическим румянцем, губы покрывала помада элегантного коричневого тона.

Серафима Ивановна ловко вытеснила Арцеуловых из ванной, и в доме воцарилась восхитительная тишина, прерываемая только плеском воды.

Через некоторое время я заглянула на кухню и обнаружила там за длинным столом няню, Ирку и кухарку, лакомившихся кофе со сливками. Рядом словно изваяния застыли псы.

– Милые детки, – улыбнулась Серафима Ивановна, – двое сразу, так приятно для родителей. Подрастут немного, станут друг с другом играть. Давайте сразу обговорим условия. Вы меня будете кормить и платить жалованье, в среду – выходной. После семи часов вечера – ухожу домой.

– Поживите хоть несколько недель, – взмолилась я.

– К сожалению, не могу. Старая стала. Да и не согласилась бы вообще работать, но Кики очень просил вам помочь.

С трудом сообразив, что Кики – детское прозвище Владимира, я стала соблазнять няню большим жалованьем. Серафима Ивановна дрогнула, но возразила:

– В принципе можно и пожить, вот только проблема – у меня собачка, маленькая такая, йоркширский терьер, куда ее деть?

– Как куда? – изумилась Ирка. – Берите с собой, чем нам терьер помешает?

И на следующий день няня с Жюли перебрались к нам.

Через неделю, в субботу, приехал усталый Александр Михайлович, домашние накинулись на полковника, требуя новостей. Милиционер замахал руками:

– Погодите, погодите, дайте хоть поесть сначала.

Мы подождали, пока он утолит голод, и ринулись на него с новой силой. Александр Михайлович со вкусом закурил сигару, поднесенную услужливой Маней, и сказал:

– Нашел Криворучко Оксану. Ее привез из Киева вместе с другими украинскими девушками Николай Семенов, владелец «пип-шоу».

Я вздрогнула. «Пип-шоу». Сомнительное развлечение для сексуально озабоченных особ, представляет собой зашторенные кабинки. Покупаете жетон, опускаете его в прорезь, занавески распахиваются, и перед взором на вертящемся кругу появляется девушка, исполняющая стриптиз. Кабинки индивидуальные, наслаждаетесь зрелищем в одиночестве, но одновременно из соседних кабинок танец наблюдают другие интересные. Девушка работает без перерывов. Может повезти, и попадете на кульминационный момент – удаление парчовых трусиков. А можете включиться на стадии снятия шляпки. В любом случае через три минуты шторка закроется. Желаете продолжение – опустите новый жетон.

Конечно, это лучше, чем стоять в шубе на голое тело на Тверской. Клиенты «пип-шоу» не общаются напрямую с девушками, многие хозяева запрещают своим работницам давать мужчинам домашние адреса и телефоны. На деле же стриптизерки всю подрабатывают проституцией. Хорошую няню нашли для детей!

– Привез он ее три года тому назад, – продолжал Александр Михайлович. – Полтора года девушка исправно трудилась, а потом исчезла. Просто не пришла на работу, и все. Оказывается, Ленка-Оксана довольно хорошо говорила на английском и русским владела в полном объеме – окончила в Киеве специальную школу.

– Она не из деревни? – разом поинтересовались Ольга с Аркадием.

– Нет, запросили Киев и узнали биографию, – сообщил полковник. – Родилась в столице, там же училась, танцевала в ансамбле «Современные ритмы». Потом, очевидно, соблазнилась заработком и нанялась к Семенову. Его «пип-шоу» называется «Современное варьете», находится на Монетной улице, и прикрыть его нам до сих пор не удастся. Заведение имеет статус театра. Так же, как театр Кирилла Ганина. Откровенная порнография, а сделать ничего не можем. Здесь явная недоработка в законах. Более того, большинство стриптизерок из Украины – рабы. Им не отдают паспорта, обманывают при расчете. Однако Криворучко оказалась хитрой, она понравилась самому Семенову, и хозяин отдал ей паспорт. Куда украинка сбежала, где жила эти полтора года, он не знает. Не узнали и мы.

Александр Михайлович замолк. Аркадий вздохнул:

– Надо отправить двадцать тысяч долларов в Киев, найти родственников и передать им деньги.

В дверь постучали, и появилась Серафима Ивановна, ей понадобилась Оля. Когда женщины вышли, Александр Михайлович поинтересовался:

– Новая няня? Тоже на улице нашли?

Мы с Наташкой принялись в два голоса кричать о порядочности старушки.

– К тому же она скоро превратится в вашу родственницу, – таинственно пробормотала Маня.

– Как это? – изумился Александр Михайлович.

Маня захихикала. Выяснилось, что апатичный Хуч страшно оживился при виде йоркширского терьера. Жюли явно покорила ожиревшее сердце мопсика. Первые два дня Федор Иванович вздыхал платонически, потом изменил тактику. Жюли, пококетничав для фасона, сдалась, и собачки предались разврату.

Представив себе плод связи мопса с йоркширским терьером, я захохотала как безумная.

Глава 9

Мне не давал покоя шрам на животе Нелли Резниченко. У Катьки видела точно такой же. Неужели операции по удалению желчного пузыря и дамских органов оставляют одинаковые следы? Всегда казалось, что данные принадлежности находятся в разных местах организма.

Пришлось поехать в библиотеку и изучить учебник «Хирургия». Выяснилось, что след от вмешательства на желчном пузыре остается под ребрами.

Рубец на животе над волосистой частью – свидетель гинекологической операции. Вот только какой? В учебнике их перечислялось больше десятка. Описание сопровождалось подробными кошмарными иллюстрациями, вызывающими тошноту.

Я захлопнула книгу ужасов и призадумалась. Какая разница, что отрезали у Нелли. Ясно одно, после любой из таких операций уже не забеременеть, как ни старайся. К тому же точно помню, шрам на ее холемом животе был, как и у Катьки, белым. А в учебнике четко сказано: послеоперационный рубец сначала полгода красный, потом розовеет, белым делается спустя полтора года после оперативного вмешательства.

Как она ухитрилась родить Юру? А если не она, то кто мать мальчика?

Няня оказалась настоящим сокровищем. Понравилась всем. Наташке и Ирке – аккуратностью, Ольге и Кешке – любовью к детям, мне – говорливостью. Вечером, часиков в девять, когда Серафима Ивановна пила чай, ничего не стоило вытряхнуть из старушки необходимые сведения. И я приступила к действиям.

– Сколько же лет вы работаете у Резниченко, Серафима Ивановна?

Женщина махнула рукой:

– Даже вспомнить страшно. Нанялась много лет тому назад к старым хозяевам, родителям Владимира. Времена тогда были строгие – нас учили правильно докладывать о гостях, аккуратно принимать у них пальто, шляпы, зонты. Элеонора Сергеевна отличалась строгостью, а Петр Павлович мог изничтожить за пылинку на роале.

Старушка замолчала, погружаясь в воспоминания, как все старые люди, она с удовольствием припоминала прошлое.

– А потом родился Кики, Владимир то есть, и я превратилась в няньку. Какой он был замечательный маленьким. Любил меня больше матери. Да ей до него и дела не было. В особенности после всех несчастий...

Я наострила уши.

– Что за несчастья?

Серафима Ивановна вздохнула.

– Петр Павлович и Элеонора Сергеевна – кузен и кузина. Когда решили пожениться, родственники высказались против: дескать, в браке родятся больные дети, и некому передать нажитое.

– А было что передавать?

– Конечно. Знаете, кто отец Володи? Известнейший библиофил и собиратель редкостей Петр Павлович Резниченко. У них с Элеонорой Сергеевной была большая квартира на Бронной. Так вот, одна комната представляла собой точную копию кабинета Александра Сергеевича Пушкина. Причем знающие люди говорили, что в Петербурге на Мойке – дубликаты, а подлинные вещи у Резниченко. Лампа, чернильница, пресс-папье, даже кресло и письменный стол! В библиотеке хранились настоящие раритеты: первые издания «Евгения Онегина» и «Путешествия из Петербурга в Москву», прижизненные тома Лермонтова, рукописи Чехова. Московские коллекционеры шутили, что Гоголь не сжег все-таки вторую часть «Мертвых душ», и

искать ее следует у Резниченко. А кроме книг – коллекция яиц Фаберже, картины известных мастеров, всего и не упомянуть.

Петр Павлович настоял, и они с Элеонорой Сергеевной пошли под венец. Когда родился абсолютно здоровый Кики, хозяин просто торжествовал. Но недолго. Следом за первенцем появились уроды. Сначала девочка, прожившая всего три дня. Затем Леня. У того случилась саркома, и он скончался десяти лет от роду. Последней родилась Полина. Промучилась, бедный даун, три года и умерла. Больше не рисковали. Наверное, поэтому Петр Павлович и сделал такое странное условие в завещании.

– Какое условие?

– Он хотел, чтобы у Владимира родилось много детей. Как только на свет появится первый ребенок, Кики получит часть коллекции, если первым ребенком будет девочка, а вторым окажется мальчик – Владимир завладеет всем богатством. Родится вторая девочка – только половиной. Не будет детей, все собрание передается государству. Кабинет Пушкина отойдет Ленинской библиотеке, коллекция яиц – Третьяковке, картины попадут в Музей изобразительных искусств. Завещание было оформлено по всем правилам и хранилось у нотариуса. После смерти старика нотариус огласил бумагу в присутствии директоров всех названных музеев.

– А если первым появится сын?

– Все равно детей должно быть как минимум двое. Так он хотел, глупо, конечно, если бы не Нелли...

Серафима Ивановна поджала губы.

– Нелли родила-таки двоих детей.

Няня саркастически ухмыльнулась.

– Родила. Еву через сколько лет после свадьбы? Потом еще через шестнадцать лет Юру. Все не хотела фигуру портить. Но это она пусть подружкам говорит. Я знаю, что жена Владимира несколько лет лечилась у доктора Коня, прежде чем забеременела. Кики ходил просто чернее тучи, пока анализ не увидел. Разве такая жена ему нужна? Кругом полно молодых и здоровых, так нет, попалась никчемная Нелли. И жена никудышная, и мать...

Приятную беседу нарушили крики, раздававшиеся со второго этажа. Пришлось прерваться и отправиться наверх. В спальне Арцеуловых слышался шум, я постучала, открыла дверь и увидела Левчика, возбужденно тыкающего пальцем в покрывало на кровати.

– Дашка, смотри, какой кошмар.

На пледе преспокойно восседала маленькая ящерица.

Я рассмеялась:

– Да это Гектор. Живет у Маруси в аквариуме и иногда удирает, ловим потом по всему дому. Не бойся, он ласковый, не кусается, совершенно ручной.

Левка хватал ртом воздух. Сонька улыбнулась.

– И чего так испугался? Я же сразу сказала, что гекконы не ядовиты. Такой большой, а ящерицы боится.

Левчик вперился в жену ненавидящим взглядом:

– Ты у меня Дарвин, а я кретин убогий. Сама при виде лягушки визг поднимаешь. С Дашкой разговариваю, а ты пасть заткни, пока не прихлопнул. А лучше всего убирайся отсюда куда подальше, коза надоедливая.

Всегда покорная Сонька неожиданно топнула ногой и двинулась к двери. Помедлила на пороге, потом сказала:

– Значит, советуешь идти куда подальше, да?

Возбужденный Левка заорал не своим голосом:

– Да, да, к черту, дьяволу, в задницу!

– Могу обидеться и больше не вернуться, Лев, – медленно проговорила жена.

– Ну и слава богу, катись быстрее.

– Хорошо, но только помни, что ты меня выгнал, – с этими словами Сонька тихо закрыла створку двери. Левка рухнул в кресло, утирая пот:

– Адское терпение требуется для семейной жизни, никаких нервов не хватает.

– Зря ты так ее обидел, – попробовала я вразумить грубияна, – вдруг и правда уйдет.

– Куда? – засмеялся Левка. – На Тверскую? Там подпорченный товар не нужен. Погуляет по улицам и назад пришлепает, тоже мне, сокровище бесценное.

Глава 10

Утром старший Арцеулов спустился первым к завтраку. Когда мы с Наташкой вошли в столовую, он уже пил кофе с тостами.

– Ну и сони! – возмутился Левка. – Разбудите быстрее Соньку, хотели сегодня в Коломенское съездить.

– Что же сам жену не растолкал? – удивилась Наташка.

– А она не ночевала в спальне, где вы мое сокровище спать положили?

Мы с Наташкой переглянулись. Никто из нас не устраивал Соню на ночь, может, Оля? Но ни Зайка, ни Аркадий, ни Ирка – никто из домашних не видел Соню после вчерашнего ужина. Получалось, что она на самом деле ушла.

Не поверивший нам Левка лично обследовал все комнаты, заглянул в подвал и на чердак.

– Черт-те что, – растерянно проговорил он после бесплодных поисков, – неужели в гостиницу отправилась?

Но оказалось, что комнату в отеле Сонька не могла снять – все деньги лежали у Левки в кошельке. Вещи женщины, включая злосчастную шубу, мирно висели в шкафу. Не было только маленькой дамской сумочки и паспорта.

– Надо позвонить Александру Михайловичу, – предложила Наташка, – вдруг несчастье случилось, под автобус попала или в больницу.

Левка посерел:

– Вернется, идиотка, убью.

– Утонешь, домой не приходи, – вздохнула Наталья и пошла связываться с Александром Михайловичем.

Но полковника не оказалось на месте. И нам оставалось только ждать.

Сонька позвонила около двенадцати.

– Не надо волноваться, жива, здорова и прекрасно себя чувствую.

– Где ты? – заорал Левка.

– Пусть вас это не волнует, – отрезала жена, – вы, Лев, приказали мне убираться подальше, что я и сделала. А звоню только для того, чтобы Дашка с Натальей не волновались. Уезжайте спокойно в Ялту, я остаюсь здесь, бумаги на развод перешлет адвокат.

Трубка противно запищала, Лева остался у аппарата с открытым ртом.

Ближе к вечеру вернулись радостные Генка с Катюшкой. Весть о побеге Соньки, казалось, их не удивила.

– Давно недоумевала, как она с ним живет, – сплетничала Катюшка. – Все время орет, ругается, всем постоянно недоволен. Тяжелый характер. Куда, интересно, она пошла без денег?

– Наверное, к любовнику, – ляпнул Генка.

Все засмеялись. Стокилограммовая Соня не отличалась ни умом, ни красотой. Об особой сексуальности почти в пятьдесят лет говорить не приходилось. Скорей всего женщина встретила старую подругу или... Больше в голову ничего не лезло.

Ночью я крутилась под одеялом, тщетно пытаюсь заснуть. Странный шрам на животе жены Володи не давал покоя. Серафима Ивановна обронила, что фамилия доктора, который лечил Нелли, – Конь. Надо найти его и попытаться узнать подробности о болячках женщины.

С утра я принялась за работу детектива. Сначала поискала на справочной дискете адрес Коня, но не нашла. И поехала в профсоюз медицинских работников. Приятный молодой человек вежливо сообщил, что домашние адреса врачей без их разрешения не выдаются.

– Сделайте милость, – занудила я просящим голосом. – Доктор Конь когда-то лечил мою тетю. Она недавно скончалась и просила передать ему довольно крупную сумму.

Клерк продолжал сопротивляться.

– У нотариуса явно есть адрес, если речь идет о завещании.

Я продолжала нажимать:

– Тетя отдала устное распоряжение только мне. Ее с доктором Конем связывали романтические отношения. Перед смертью, буквально за несколько минут, она взяла меня за руку и проговорила: «Детка, отдай дорогому другу, доктору Коню, двадцать пять тысяч долларов». По щекам потекли слезы, и она умерла. Адрес сказать не успела, бедняжка. Ну помогите, пожалуйста, такая редкая фамилия, он в картотеке один будет.

Клерк вздернул брови и вздохнул. Видно было, как в его душе борются желание помочь и служебный долг. Наконец человеколюбие победило, и парень полез в картотеку.

Доктор Максим Конь проживал в небольшой квартире на улице Космонавтов. Преодолев три этажа без лифта, я позвонила.

– Входите, – донеслось из глубины квартиры.

Дверь распахнулась, открывая вид на маленькую захламленную прихожую. Узенький коридорчик вел мимо похожей на мыльницу кухни прямо в спальню. У окна стояла полная женщина в шерстяном платье.

– Не припомню вас, милочка, – проговорила она.

– Мы незнакомы, хотелось поговорить с доктором Конем.

Толстушка, не мигая, смотрела в сторону.

– Доктор не принимает.

– Очень нужно, поверьте.

– Говорю, доктор больше не принимает, уходите. Ищите другого гинеколога.

– Но просто ужасно надо с ним поговорить, не сомневайтесь, заплачу за визит.

И я распахнула сумочку. В глазах бабы мелькнула жадность, и она с сожалением проговорила:

– Даже за все сокровища Али-Бабы он не примет.

– Почему?

Толстуха помолчала, потом открыла дверь в смежную комнату. Посередине помещения в инвалидном кресле сидел глубокий старик с глазами идиота. Из рта вытекала блестящая струйка слюны. Увидев нас, он замычал.

– Вот, – проговорила женщина, – любуйтесь, это доктор Конь. Два года назад мужа разбил инсульт. В результате – почти парализован и потерял речь. Не скрою, деньжата нам очень нужны, но практиковать, сами понимаете, он не может. Вот жду, когда умрет и развяжет руки.

С этими словами бабища захлопнула дверь.

– Если надо сделать аборт на большом сроке, могу посоветовать другого специалиста, за плату, конечно.

И она алчно посмотрела на сумочку. Я расстегнула замочек и вытащила несколько бумажек.

– Возьмите, купите больному фруктов.

– Спасибо, что вам надо?

– Уже ничего. У доктора когда-то лечилась Нелли Резниченко, хотела кое-что узнать.

Баба заинтересовалась:

– А что узнать?

– Кое-какие сведения по медицинской части.

– Сейчас сварю кофе, – неожиданно предложила женщина, – садитесь.

Минут через десять, разлив по щербатым чашкам тепловатую бурду светло-коричневого цвета, она сказала:

– Чем вас так заинтересовала Нелли Резниченко и кто вы такая?

– Считайте просто любопытствующей. Могла она примерно восемь-девять месяцев назад родить ребенка?

Толстуха пожевала губу, шмыгнула носом и проговорила:

– Пятьсот долларов.

– За что?

– Расскажу все про Нелли, не сомневайтесь, хорошо помню эту женщину, хотя много лет прошло. Она нам тогда такие деньги заплатила! Сведения точные, работала у мужа секретарем, сама истории болезней заполняла.

Пришлось поверить и вытащить кошелек. Госпожа Конь жадно схватила бумажки и спрятала их на необъятной груди. Потом расслабилась, подошла к большому шкафу, порылась там, вытащила карточки и завела рассказ.

Доктор Максим Конь работал гинекологом в обычной городской клинике. Всю жизнь врач мечтал создать новое средство контрацепции, и жалование уходило на эксперименты. Но зря. Открытия не получалось, и гинеколог постоянно нуждался.

Однажды на прием пришла необычная посетительница. Дорогая шубка, хорошая косметика, тонкое белье – все кричало о богатстве. Маргарита Онофриенко, так назвалась больная, попросила обследовать ее частным образом. Жаловалась она на то, что, будучи несколько лет замужем, никак не может забеременеть.

Максим осмотрел Маргариту и сообщил неутешительный результат. У молодой женщины оказалась большая миома и поликистоз яичников.

– Надо же так запустить болезнь, – сокрушался доктор, – теперь придется удалять все женские органы. Вам никогда не стать матерью.

Маргарита пришла на прием еще раз, уже с мужем. Молодой человек с пристрастием допросил доктора и крайне расстроился.

– Не надо так убиваться, – попробовал утешить мужчину Максим, – если мечтаете о ребенке, возьмите малыша на воспитание. В моем кабинете часто плачут несчастные, не знающие, куда деть новорожденного. Подберем здоровую мать.

Супруги Онофриенко пришли в третий раз и открыли доктору Коню правду. Их подлинная фамилия Резниченко. По условиям завещания, они могут получить капитал, только если станут родителями. Но болезнь жены сводит шансы на богатство к нулю. Поэтому готовы усыновить мальчика, но только так, чтобы не узнала ни одна живая душа. Доктор Конь согласился помочь.

Сначала Нелли под именем Маргариты Онофриенко легла в больницу, где ей сделали необходимую операцию. Затем Максим нашел среди своих пациенток восемнадцатилетнюю Розу. Здоровье у той било через край. Все анализы годились для пособия «Образцовая роженица». Девушка считала неожиданную беременность помехой и явилась в клинику делать аборт.

Максим, запугав дурочку рассказами об ужасных последствиях вмешательства, предложил родить малыша и отдать его Маргарите Онофриенко. Соблазнившись солидным денежным вознаграждением, Роза согласилась на ультразвук. Врач усмотрел на экране мальчика, и все остались довольны.

Роза вынашивала младенца, и, когда ее беременность достигла семимесячного срока, гинеколог положил Нелли Резниченко в клинику.

Месяцы лжебеременности стали очень тяжелыми для Нелли. Приходилось подвязывать под юбку подушку, постоянно изображать недомогание, токсикоз, потерю аппетита.

Шестьдесят три дня провела лжебеременная в клинике, поджидая родов Розы. И наконец счастливый день настал – 15 октября девушка родила абсолютно здорового, крепкого ребенка. Радость портило одно обстоятельство – на свет появилась отличная девочка.

Супруги проявили недовольство, они рассчитывали на мальчика, но пришлось брать то, что есть. О беременности Нелли знали родственники, приятели, и вернуться из родильного дома с пустыми руками не представлялось возможным.

Уже утром 16 октября под окнами родильного дома толпились многочисленные посетители, желавшие поздравить молодую мать.

Роза получила крупную сумму и исчезла с горизонта. Через несколько дней Нелли отправилась домой и больше никогда не посещала доктора Коня.

Рассказ толстухи не слишком поразил меня. Интуитивно я предполагала что-нибудь подобное. Значит, обманув один раз, решили повторить тот же фокус. Теперь понятно, почему мать не любит дочь и колотит ее почем зря, ясно, почему Ева раздражает Нелли. Неясно только одно: кто бедная девочка, найденная на свалке? Неужели ее так и похоронят без имени?

Генка и Катюшка улетели в Ялту, Левка остался искать Соньку. От расстройства он даже перестал ругаться. Наташка связалась с Александром Михайловичем, и тот незамедлительно приехал, но, выслушав всю историю, не проявил никакого энтузиазма.

– Где я стану искать эту сумасшедшую? Так и быть, запросим гостиницы и пансионы, но думаю, что зря. В городе полно сдающих комнаты. А скорей всего Соня поселилась у знакомых. Лучше попытайтесь вспомнить, к кому она могла поехать. И потом, если найду вашу пропажу, то не сумею вернуть назад. Никакого преступления она не совершила. А то, что от мужа ушла, никого не касается.

Аркашка рассердился:

– Просто не хочешь нам помочь. Полно небось каких-нибудь законов, которые Сонька нарушила, просто не знаешь.

Полковник начал злиться:

– О чем ты?

– Ну в законодательстве есть ужасно смешные вещи. Например, в штате Массачусетс в 1842–1845 годах запрещалось принимать ванну чаще одного раза в неделю, в Бразилии нельзя перевозить мертвецов на такси. А вот французы никак не могут договориться о том, должны ли быть одеты полицейские, патрулирующие нудистский пляж. Да, вот еще – в Москве нельзя обнаженным стоять у раскрытых окон. Найди Соню и заставь вернуться.

Александр Михайлович фыркнул:

– Ну ладно, предположим, нашел. И что? Ваша Соня просто откажется. Как можно заставить совершеннолетнюю женщину жить там, где не хочется?

– Палкой, – влез Арцеулов, – надавать дуре как следует, сразу поймет, кто хозяин. Арестуйте за что-нибудь, Кешка прав.

У галантного Александра Михайловича от услышанной тирады глаза превратились в щелочки.

– Мне всегда казалось, что дамы не любят палочной дисциплины, лучше придерживаться другой тактики: конфеты, букеты... Хотя не могу служить советчиком в этой области. Я ведь никогда не был женат. Правда, иногда жалею, что избрал судьбу холостяка.

И он многозначительно покосился в мою сторону. Это выглядело как предложение, и Аркашка весело заулыбался. Но Левке стало не до смеха.

– Ну и что делать теперь?

Александр Михайлович пожал плечами:

– Подождать немного, скорей всего жена вернется. И не ругайте женщину. Напротив, купите дорогой подарок, меховое манто, например.

– Ах, шубу! – завизжал Левка. – Еще и издеваетесь!

Он вскочил с дивана и помчался к двери. По дороге всем своим стопятидесятикилограммовым весом грубиян наступил на вольготно растянувшегося на ковре Хуча. От боли и ужаса мопс запищал и немедленно описался. Левка влетел прямо в лужу и, разбрызгивая вонючую жидкость во все стороны, выскочил в коридор. Хучик верещал как безумный. На писк примчались остальные звери. Увидев раненого друга, Снап завыл, Банди зашлепал по луже лапами, а Жюли из солидарности пописала рядом.

Кешка пошел за тряпкой. Наташка принялась утешать Федора Ивановича жирным шоколадным печеньем. Полковник растерянно бормотал:

– Не пойму, почему Лева возбудился. Можно купить не манто, что-нибудь подешевле.

Мы с Наташкой рассмеялись в голос и поведали другу историю шубы из камышовой кошки.

– Мерзавцы, – хохотал приятель, утирая слезы. – Сколько ни сажай, все равно мошенничают. Расскажу ребятам сегодня. «Республика Бонго», вот придумал, – и он снова затрясся от смеха.

– Послушай, – проговорила Наташка, – помоги найти Соню.

Александр Михайлович посерьезнел.

– Попробую, – согласился он, – но, девочки, представьте себе, сколько у нас работы. Придется отрывать сотрудников от дел, может, подождем чуть-чуть? Девять нераскрытых убийств, два неопознанных трупа и еще кое-что по мелочи.

– Бедная девочка, – вздохнула я, – так и похоронят без имени в общей могиле.

– Это ты о той, со свалки? – оживился полковник. – Ее давно опознали, тетка приходила, забрала тело.

– И кто она?

– Кристина Кулик, восемнадцати лет. Оказалось, что после смерти матери ушла из дома. По словам тетки, она сильно переживала кончину родительницы, все время плакала и была в шоке. Куда пошла в состоянии стресса, никто не знает. Допросили ее друга, но он в эти дни как раз попал в больницу – аппендицит. Правда, накануне исчезновения Кристина приходила к нему. Сообщила, что стала сиротой, долго плакала, потом понесла чушь о гигантском богатстве, которое скоро получит. Никита даже вызвал врача, чтобы тот дал подружке успокоительное.

– А как вы ее опознали?

– Да просто. Девочка оказалась вполне положительной, училась на швею, мечтала стать модельером. Не пила, не принимала наркотики, всегда ночевала дома, вообще слыла домоседкой. Свой день рождения – 15 октября – всегда отмечала только с матерью и теткой. Поэтому, когда Кристина не пришла до утра, женщина забеспокоилась, обратилась в милицию. Собственно говоря, это все.

– Дай адрес несчастной, – попросила я.

– Зачем?

– Сам говорил, они небогатые, может, нуждаются. А похороны – вещь дорогая, надо помочь, я вроде как тоже причастна.

Александр Михайлович подозрительно поднял брови.

– Ладно, позвони завтра на работу, только обещай ни во что не влезать. Дай денег, и все.

Глава 11

Кристина Кулик обитала в Орехове-Борисове. Дешевый спальный район, застроенный в основном одинаковыми типовыми зданиями. Квартирки плохие, с маленькими комнатами и кухнями, похожими на купе. Но для тысяч москвичей своя квартира, даже в Орехове-Борисове, верх мечтаний.

Тетка Кристины изо всех сил пыталась бороться с нищетой, но бедность упорно лезла в глаза. Заштопанные покрывала на диване и креслах, самодельная мебель в гостиной, довольно потертый ковер. Кругом стерильная чистота, а на столе ваза с орхидеями. Цветы были слишком хороши для искусственных, и, приглядевшись повнимательней, я поняла, что они настоящие. Вот уж не ожидала увидеть такой букет в подобной квартире.

Тетку Кристины звали Алевтина. Лет ей по виду было за пятьдесят, а там кто знает. Увидев меня на пороге, женщина вежливо посторонилась, впуская в коридор. Я представилась и достала конверт из сумочки.

– Не сочтите за назойливость, здесь небольшая сумма. Мне кажется, что я была знакома с Кристиной, извините за вторжение.

Алевтина всплакнула и провела в маленькую комнатку с узкой кроватью и несколькими полками. На них сидела пара довольно замусоленных мягких игрушек. Занавески на окнах выглядели очень странно – три поперечных куса разного цвета – желтого, черного и снова желтого. Но более светлого, лимонного оттенка.

– Кресточка мечтала стать модельером, – проговорила тетка, – вот и придумала такие шторы. Ужас, конечно, но она уверяла, что это завтрашний день в оформлении интерьера. Бедняжка хорошо успевала в школе, почти всегда первая по всем предметам, но пришлось идти учиться на швею. Детка так расстраивалась, а потом утешилась и даже радовалась, дескать, модельер должен уметь шить.

Между косорыленьким зайчиком и потрепанным жирафом стояло с десятков дешевых фигурок из пластмассы. Не нэцкэ, конечно, копеечные сувениры: две собачки, тройка кошек и целое семейство уток. Несчастный ребенок явно собирал фигурки.

В благодарность за конверт Алевтина пригласила выпить кофе в столовой. Мы сели за круглый стол. Напиток неожиданно оказался крепким, сладким и удивительно вкусным.

– Жаль девочку, – робко завела я разговор.

– И не говорите, – махнула рукой Алевтина. – Светлый, радостный ребенок. За всю жизнь никому грубого слова не сказала. Умница какая, одни похвальные листы носила. И как это у Нади подобный ангел родился?

– Ее мать звали Надя? Она недавно умерла?

Алевтина поджала губы.

– Господь прибрал тунеядку. Конечно, она моя сестра, и грех говорить о покойных плохое, но хорошего припомнить нечего. Жила как хотела, гуляла втемную, пила.

– Бедная Кристина!

– У девочки была я, – сказала Алевтина, – Надька ее, можно сказать, и не видела. Принесла из родильного дома и опять загуляла. Потом с каким-то мужиком связалась, целыми днями пропадала. Часто ночевать не являлась.

– А дочка?

– Кресточку воспитывала я. Видели бы вы ее на праздниках в детском саду! Белое платьице, чулочки, туфельки – ангел, да и только.

И Алевтина горько заплакала. Мне стало неудобно, но любопытство страшный недуг.

– Надя, выходит, совсем не занималась дочерью?

– Абсолютно, более того, и не интересовалась ребенком. Денег дать и в голове не лежало. Только о себе и думала. Прибежит домой, как в гости, разряженная, духи вонючие, сунет девочке дешевую шоколадку и фр-р-р! Нет ее! Ребенок несчастный все глаза проглядит, мамочку поджидает. Где только мерзавка деньги брала? Но только господь наказал кукушку. Три года тому назад, 15 октября, как раз в день рождения Кристины, выяснилось, что Надежда заболела. До этого два месяца дома не жила, я ее с трудом узнала. Худая, даже изможденная, с желто-серым лицом, волосы паклей висят. Оказалось, у нее рак. Опухоль большая, метастазы. Никому не нужна, вспомнила про нас. Надька работать не могла. Все лежала на диване и стонала. Три года так. Правда, последние месяцы ей на самом деле не могло быть. Через день «Скорую» вызывали, соседка-медсестра ходила, уколы всякие не бесплатно. Последнюю ночь Кристиночка с ней до конца пробыла, держала за руку. А та все что-то шептала, шептала... Бедный ребенок просто в лице переменялся, потом полдня проспала и говорит:

– Мамочка, – она меня «мамочка» называла, – поеду Никиту навещу в больнице.

Парнишка за Кристиночкой ухаживал, так у него аппендицит приключился.

– Конечно, – говорю, – поезжай, рыбонька.

Она съездила, а на следующий день ушла, не сказав куда. Все, больше не увиделись.

Алевтина опять зарыдала. Я встала и пошла на кухню, должны же быть в холодильнике какие-нибудь капли. На полках и впрямь отыскалась настойка валерьянки. Но когда я вернулась в комнату, тетка уже успокоилась.

– Тяжело терять ребенка, – покачала она головой. – Кристонуку все любили. Соседи цветов на похороны нанесли. Смотрите, какой букет. Наверное, Никита разорился.

– Подскажите, как найти юношу.

– И искать не надо, в соседней квартире живет с матерью. Мальчик хороший, но мамаша!..

Тетка покачала головой.

– Гуляет?

– Нет, никогда. Наоборот, такая вся из себя. Идет по двору, ни за что головы не повернет, поздороваться лень. Ни с кем не общается. И чего из себя королеву корчит, уж мы-то знаем все про нее, всю жизнь почти рядом живем. Если хотите, идите сейчас, Никита дома, а Роза на работе. Она медсестра в больнице. Подрабатывает уколами, с этого и живут, а мужа у нее отродясь не наблюдалось, – расплетничалась женщина.

Я пошла к соседней двери, раздумывая о свойствах человеческой натуры. Осуждая соседку за ребенка, рожденного вне брака, Алевтина забыла, что и ее сестра никогда не носила обручального кольца.

Дверь мне открыл молоденький парнишка. В комнате работал телевизор. Очевидно, мать и впрямь хорошо зарабатывала. В квартирке красовалась довольно дорогая мебель. На полках теснились книги, в основном дамские романы.

– Надо посоветоваться с тобой, – обратилась я к юноше. – Хочу помочь Алевтине, тетке Кристины. Не знаешь, что лучше – оплатить памятник или просто дать сумму в конверте?

– Конечно, деньгами, – проговорил юноша, – она нуждается, зарабатывает мало.

– Ты любил Кристину?

– Ее все любили, и, кто мог ее убить, ума не приложу!

– Она приходила к тебе после смерти матери?

– Ага, прибежала невменяемая. Плакала, плакала, а потом жуткую чушь понесла!

– Какую?

Никита махнул рукой.

– Зачем вам? Скорей всего у Тины просто крыша поехала, такой стресс пережила.

– И все же.

Парень улыбнулся.

– Представляете, на полном серьезе выдает такую пенку. Дескать, она на самом деле дочь богатых родителей. В детстве ее подменили, подложив ее матери другого ребенка. Надя перед смертью поведала ей тайну и велела идти к настоящим родителям. А чтобы те признали Кристину, дала ей кольцо. Побрякушка якобы принадлежит родной матери Тины и стоит огромных денег. Представляете? Рассказывает Криста этот бразильский сериал, трясется, плачет и кольцо под нос сует.

– Дорогое?

– Да ну, на рынке такими вьетнамцы торгуют. Огромный красный камень, чудовищная оправа из латуни. Правда, оригинальная бижутерия, в виде паука сделана. Камень – тело, а оправа лапки, две поломаны. Цена этому сокровищу – двадцать рублей. Криста, дурочка, сказке поверила. Надя пила здорово, наверное, глюки пошли.

– Зачем говоришь плохое о Наде? – раздался голос за спиной, и я обернулась.

В комнату входила красивая, довольно молодая шатенка в элегантном твидовом костюме. За ней вплыл одуряющий запах «Воздуха времени» от Нины Риччи.

– Кто вы такая и почему явились в мой дом без приглашения? – завелась дама, глядя на меня в упор большими зелеными глазами.

– Мамуся, – начал Никита.

– Помолчи! – отрезала пришедшая.

– Я дальняя родственница Нади. Случайно узнала о ее смерти и гибели Кристины. Вот пришла посоветоваться с Никитой, как лучше помочь Алевтине. Он вроде бы жених несчастной девушки.

– Глупости, – окончательно разозлилась Роза, – ни о каком браке между ним и Кристиной речь не шла. Почему Кит должен что-то советовать? Мы практически незнакомы с Алевтиной. Убирайтесь прочь, или вызову милицию.

Пришлось выметаться на лестницу. Эх, в другой раз представлюсь журналисткой.

Входные двери в доме были словно из картона, и до ушей донеслись звуки скандала.

– В двадцать лет хорошо бы поумнеть, – бушевала Роза, – впускаешь в дом всякую шваль, еще украдет что-нибудь.

– Мамусечка, – загудел Никита, – дама приличная, не похожа на уголовницу. И почему только ты не хотела, чтобы мы встречались с Тиной?

И он зашмыгал носом.

– Никогда не видела мошенницу, которая была бы похожа на мошенницу, – не останавливалась мать. – А тебе следует думать о занятиях, а не о женитьбе. Учись, становись адвокатом, тогда и семью заводи. Я готова тебя кормить на время учебы, но только тебя. И зачем поливал Надю грязью? Знаешь, что я ее любила, можно сказать, единственная подруга была. И вовсе не алкоголичка, так, выпивала иногда. Жизнь не сложилась, вот и расслаблялась. Ладно, давай есть.

И в квартире зазвякали посудой. Благословляя создателя современных многоквартирных домов, я поехала домой. Из головы не выходило странное обстоятельство. Покойная Кристина и Ева Резниченко родились в один день – 15 октября. Пока непонятно, что из этого следует.

Глава 12

Близнецы росли не по дням, а по часам, радуя отменным аппетитом. Собаки, первое время удивленно заглядывавшие в кровати, попривыкли и спали возле детей. На улице они бдительно охраняли коляску, скаля зубы на каждого, кто пытался подойти ближе чем на десять метров.

Зима набирала ход, начинался февраль, пожалуй, самый неприятный месяц года – ветреный, промозглый. От Соньки не было ни слуху ни духу. Александр Михайлович выяснил, что в гостиницах женщина не проживает. Лева присмирел и по вечерам молча смотрел телевизор. Мани практически никогда не было дома: утром – лицей, вечером – занятия в Ветеринарной академии. Тайна убитой девочки разъяснилась, шрам на животе Нелли больше не волновал меня. Сплошная скука. К тому же Александр Михайлович укатил по делам в Питер.

Первого февраля позвонила счастливая Ева.

– Тетя Даша, – затараторила она в трубку, – большое спасибо, ну такое спасибо, ну огромное спасибо, ну гигантское.

Трубку перехватила Нелли. Выяснилось, что Ева получила в четверти «пять» по французскому, ей даже дали похвальный лист. Наивная учительница, правда, недоумевала, почему, чудесно выполняя домашние работы, девочка не слишком хорошо отвечает в классе.

Нелли принялась извиняться:

– Мне даже в голову не приходило, что Ева может так вас затруднить.

– Ерунда, даже приятно помочь ребенку.

Нелли продолжала рассыпаться в благодарностях, потом последовало приглашение на ужин.

– Завтра, часов в восемь. Небольшое суаре¹. Только наша и ваша семьи. Ждем всех – сына, невестку, Наталью, Машу.

Сказано – сделано. Назавтра принаряженное семейство набилось в машины. Я поехала с Кешкой и Ольгой. На Садовом кольце попали в пробку. Мои глаза бесцельно разглядывали потоки прохожих. Как вдруг в дверях ресторана показалась Сонька.

На женщине красовалась роскошная шуба, отнюдь не из кошки. Волосы красиво переливались в свете фонарей. В руках дама сжимала крохотную вечернюю сумочку, но и это не все. Под руку бывшую мадам Арцеулову держал абсолютно роскошный мужчина. Мечта любой женщины от двадцати до семидесяти. Высокий стройный блондин в безупречно сшитом пальто. По виду лет на десять моложе Соньки.

Радостно улыбаясь, парочка подошла к машине. Блондин осторожно, как величайшую драгоценность, усадил в салон Соню, сам устроился за рулем, и дорогой спортивный автомобиль тихо пополз в обратном от нас направлении.

Кешка, Ольга и я, обалдев, не произнесли ни слова. Сзади загудели, и Зайка обрела дар речи:

– Видели Соньку?

Аркашка завопил:

– Мужик-то, мужик какой, просто Ален Делон.

Оказалось, Наташка с Марусей тоже заметили беглянку.

– Ничего себе, – причитала подруга, – под ручку с кавалером в ресторане рассиживает, а Левка дома слезы льет.

– Правильно льет, – встряла Машка, – раньше следовало думать, а то все «Соня дура», «Соня ретинка».

¹ *Суаре* – вечеринка, от *soir* – вечер (фр.).

– И не сказала, где живет, – вздохнула Зайка, – поговорила бы с мужем по-хорошему. Хочешь расходиться – пожалуйста, но давай по-человечески. А мы, идиоты, номер машины не запомнили.

– Я записала, – заметила Маня и ткнула Зайке под нос ладонь, на которой проступали намазюканные шариковой ручкой цифры.

Глава 13

Вечеринка у Резниченко поражала размахом. На специальном столике выстроилась батарея бутылок. Вина, коньяки, ликеры – все лучшего качества, дорогое, почти уникальное. Стол соответствовал напиткам. Закуски, салаты, необыкновенно вкусная рыба на горячее.

К сладкому внесли чудовищно огромный торт, сделанный в виде корзинки, наполненной засахаренными фруктами.

– Говорил вам, что Нелли отменная кулинарка, – удовлетворенно сказал Владимир, закуривая сигару.

– Это она все сама сделала? – поразилась Наташка.

– Исключительно. Люда только на грязной работе: помыть, почистить, – кивнула Нелли.

– И торт тоже? – изумилась Маня. – Ничего красивей не видела, а вкусно как! Наша кухарка здорово готовит, но такое ей слабо!

Польщенная бесхитростным детским восторгом, Нелли пообещала специально для Маши сделать на Пасху пирог «Яйцо».

– Что это такое? – заинтересовалась Зайка.

Нелли объяснила, что «Яйцо» – совершенно необычное произведение кулинарного искусства. Секрет получен от бабушки, от нее же досталась и специальная форма для выпечки в виде двух половинок гигантского железного яйца. Сначала выпекается «скорлупа», потом внутренность заполняется начинкой или сюрпризом.

– Один раз бабушка разрежала пирог, а там скрывался маленький живой цыпленок, – рассмеялась Нелли.

– Как он только не обкакался от страха, – вздохнула Маня.

Все время молчавшая Ева захихикала и посмотрела на Марусю с обожанием. Нелли строго покосилась на дочь:

– Пойди принеси альбом с фото. Там как раз есть снимок праздника – мы все сидим за столом, а я начинаю резать «Яйцо».

Ева побежала выполнять приказ, Маруся с ней. Кешка с интересом рассматривал гравюры на стенах, потом спросил:

– Владимир, что же не знакомите с сыном?

– Юра спит, – поспешно заявила Нелли, не давая мужу раскрыть рта.

– Потом поднимемся в детскую, – вступил в разговор Владимир, – не будем его будить, дорогая, просто посмотрим.

Женщина покраснела, ее пальцы нервно затеребили салфетку.

Вернулись девочки. Они вдвоем тащили гигантский альбом, похожий на папку для нот. Нелли положила его на журнальный столик, перевернула несколько листов и ткнула пальцем в снимок.

– Вот, смотрите.

Я пригляделась. Цветное фото запечатлело довольно многочисленное семейство, сидящее за праздничным столом. Во главе – пожилой мужчина в темном костюме, с совершенно лысой головой. Рядом женщина, похожая на китайскую статуэтку, – маленькая, хрупкая, с глазами-щелочками. По бокам, напряженно улыбаясь, застыли три довольно молодые женщины, явно сестры, одинаково причесанные. У всех выделялись толстые, длинные носы, похожие на сардельки. В середине стола громоздилось «Яйцо».

Пирог вправду походил на произведение искусства. Казалось, что его снес гигантский страус. Белый, очевидно, покрытый сахарной глазурью, он был украшен всевозможными розочками, цветочками и фигурками из шоколада.

– Вот это да, – восхищенно протянула Наталья, – ничего подобного не встречала.

Я тоже не могла оторвать глаз от снимка. Но причиной тому было не «Яйцо». Прямо за пирогом, улыбаясь и держа в правой руке нож, стояла молоденькая и прехорошенькая Нелли. Волосы ее, белокурые и кудрявые, перехватывала розовая лента. Розовое же платье обнажало красивые полные плечи. На шее девушки красовался кулон с большим камнем, оправленным в форме мухи. Левая рука опиралась на стол, безымянный палец украшало кольцо-паук. Огромный красный камень – тело, оправа – лапки.

– Оригинальное украшение, – сказала я, показывая на кольцо.

– Ах, это, – засмеялся Владимир, – жуткий монстр.

– Можно подумать, – обиделась жена, – что у твоей матери все украшения исключительно работы Фаберже. Кольцо, кстати, безумно дорогое, вот если бы не мелкий дефект... Все хочу починить, да руки не доходят.

– Могу посоветовать хорошего ювелира, – не удержалась я. – А что за дефект?

– Вова, – попросила жена, – сходи, принеси кольцо и кулон.

Стоматолог беспрекословно повиновался. Пока он доставал драгоценности, Нелли рассказала историю пары.

Кулон и кольцо прадедушка подарил прабабушке на золотую свадьбу. Со вкусом у него было плохо, зато хорошо с деньгами. Поэтому два чудесных, глубокой окраски рубина превратились в чудовищный китч. Прадедушке показалась оригинальной идея выполнить кулон в виде мухи, а кольцо в виде паука.

Прабабушка пришла в восторг и не снимала безобразную пару практически никогда. Она завещала после смерти любимую драгоценность правнучке.

– Бабуля говорила, – предалась воспоминаниям Нелли, – что камни приносят счастье, и велела надевать их как талисман. И вот странность – стоило мне надеть гарнитур, и все мои желания действительно сбывались. Я пользуюсь им порой как волшебной палочкой.

Владимир принес бархатную коробочку. На черном ложе поблескивали удивительные камни, превращенные рукой ювелира в отвратительных насекомых. У мухи два золотых крылышка, маленькая головка. У паука – восемь лапок, две из них сломаны.

– Лапки сломались давно, – пояснила хозяйка, – надо сделать новые, но три ювелира уже отказались ремонтировать кольцо. Побоялись испортить камень. Так и ношу с дефектом.

Она надела драгоценность на руку. Я смотрела на членистоногое со все возрастающим любопытством. Именно такое кольцо покойная Кристина показывала в больнице Никите. Юноша подробно описал мне драгоценность: большое красное тело, две лапки сломаны.

Каким образом фамильная реликвия оказалась в руках погибшей девочки?

Домработница внесла кофе, я продолжала машинально перелистывать альбом, разглядывая чужие лица. Потом замелькали семейные фото Резниченко.

Сначала свадебные. Молодые, радостные лица. Стройный Владимир в двубортном черном костюме, прелестная Нелли. Белое платье, на шее – кулон «муха», на пальце руки, сжимающей букет, «паук».

Потом пошли снимки вечеринок, пикников, праздников. И почти на всех женщина представляла с рубиновым гарнитуром.

А вот совсем интересное фото, сделанное, очевидно, в родильном доме. Нелли стоит у кровати с выпирающим из-под тонкого халата животом. На шее и на пальце все та же ужасная парочка. Находящийся рядом снимок запечатлел счастливых родственников и родителей с новорожденной дочерью. Незнакомые мне мужчины и женщины радостно улыбались в объектив. На физиономии Владимира почти неприкрытое торжество. Нелли же с насупленным лицом. Поверх кружевной блузки – кулон. На руках, сжимающих маленький белый сверток, никаких украшений, кроме золотого ободка на безымянном пальце.

Я принялась лихорадочно листать толстые страницы. Фото мелькали потоком, но нигде, ни на одном снимке, не было видно госпожи Резниченко в гарнитуре. После рождения Евы она перестала носить рубины.

– Вы любительница семейных фото? – спросил подошедший Владимир.

– Интересно разглядывать картинки прошлого. Иная одежда, иное выражение лиц. Даже не верится, что всех этих людей волновали те же страсти, что и нас: любовь, ревность, деньги. И притом на снимках можно увидеть много любопытного, можно даже раскрыть чужие тайны.

Владимир засмеялся:

– Человеческие страсти вечны. От Еврипида и Шекспира до Толстого и Брехта. Уж вы-то как преподаватель должны знать. А какую нашу тайну раскрыли, глядя на снимки?

– Очень мелкую. Нелли разлюбила гарнитур из рубинов после рождения Евы и перестала носить камни.

– Ба, да вы настоящий детектив, – восхитился стоматолог, – и правда перестала. Виной тому одна почти трагическая история, превращенная в фарс.

И он, посмеиваясь, рассказал чудную байку. Его родная тетка, восьмидесятилетняя дама, обожала брильянты. Дядька имел возможность потакать капризам жены, и та разгуливала, увешанная камнями.

– Выглядела тетушка ужасно, – смеялся Владимир, – на каждом пальце по кольцу, на запястьях штук по пять браслетов. На груди клацали подвески. А по праздникам еще надевалась и диадема. Никакие рассуждения о хорошем вкусе и намеки на плебейскую любовь к алмазам не действовали на даму.

– Если не стану носить, никто не узнает, что у меня есть, – приговаривала старушка, украшаясь.

Сын, муж, невестка уговаривали даму не таскать на себе такое количество дорогостоящих побрякушек, направляясь в магазин или на прогулку, чтобы не провоцировать бандитов. Но на тетку не действовали никакие доводы.

В один день произошло то, чего боялись родственники. Пожилую даму, маленькую, хрупкую, похожую на одуванчик, скрутил обезьяноподобного вида грабитель.

– Давай, бабуля, скидывай брюлики, – велел он.

Но в груди старушки билось храброе сердце, а за свои обожаемые камушки она решила биться как лев. Однако, трезво оценив свои физические возможности, престарелая тетка сказала:

– Сейчас, дружок.

И стала стягивать с подагрических пальцев украшения. К счастью, в тот день на ней красовался, так сказать, малый джентльменский набор: три солитера и серьги.

Положив богатство на сухонькую ладошку, старушка приветливо проговорила:

– Видишь колечки?

Удивленный дружелюбием жертвы, грабитель невольно вступил в диалог:

– Вижу.

– Ну так больше не увидишь, – мило проворковала дама и... проглотила всю кучу разом. Оторопевший бандит лишился возможности двигаться.

– Я просто преспокойненько ушла. Потом приняла слабительное, и вот они, мои любимые, – рассказывала тетка, вытягивая маленькую руку, похожую на лапку обезьяны.

– Хорошо, что диадему не надела, – только и смог сказать сын.

История произвела исключительное действие на Нелли, и женщина перестала надевать рубины, боясь за их сохранность.

Из глубин квартиры слышался слабый детский плач.

– Юра проснулся, – встрепелась Ева, – надо пойти поглядеть.

И она вышла из комнаты. Нелли, оживленно обсуждавшая с Наташкой и Зайкой состав карамельного крема, даже не пошевелилась.

Через несколько минут Ева вернулась в столовую, неся на руках очаровательного толстощекого карапуза, сонно таращившего круглые глазки.

Владимир нежно взял мальчика и засюсюкал, легонько подбрасывая малыша:

– Ах, ты-ты, ах, ты-ты, до чего же мы толсты, до чего румяны!

Наташка, Зайка, Кеша и Маня принялись умиляться вместе с отцом. Нелли налила себе чашку кофе и недовольно проговорила:

– Дорогой, если его растрясти, Юра не уснет до утра.

– Уснет, уснет, – успокоил ее муж и нежно прижался щекой к щеке ребенка.

«Кажется, он на самом деле любит его», – подумала я.

Домой мы уехали поздно с переполненными желудками и осоловевшими глазами.

На следующий день, когда Левка спустился к завтраку, наше семейство разом замолчало. Арцеулов принялся намазывать масло на тост, потом поглядел на Кешку и грозно поинтересовался:

– Чего уставился, у меня на лбу рога?

Не выдержавшая Маня фыркнула, подавилась соком и, кашляя, выскочила из столовой.

– В чем дело? – начал закипать Левка.

– Левушка, – сладким голосом завела Наташка, – скажи, ты любишь Соньку?

– После двадцати лет брака? – взъерился Левка. – Да я бы и искать шалаву не стал, но что сказать Марте Игоревне? Куда подевалась ее драгоценная дочка? Убьет ведь.

Единственным человеком на свете, которого Левка уважал и даже побаивался, была теща. Наташка прокашлялась и обрушила на голову Арцеулова информацию:

– Мы видели Соню.

– Кажется, она вполне здорова и счастлива, – добавила Зайка, – чудесно выглядит, в новой шубе, вроде из белой норки.

– С молодым мужиком под руку, – не выдержал Кеша, – с таким кадром, просто Аллен Делон, и машина у него шикарная. Выскочили из ресторана, уселись в тачку и отвалили.

Левка выронил бутерброд изо рта и замер, как истукан острова Пасхи.

– Вы с ней разговаривали?

– Не смогли, – сказала я, – Сонька слишком уж быстро уехала.

– Номер машины записали?

Мы закивали головами.

– Звоните своему полковнику, пусть установит владельца, – проговорил абсолютно спокойным голосом рогиносец, но его налившийся кровью затылок свидетельствовал о том, что Левчик пытается скрыть волнение.

– Не расстраивайся, погуляет и вернется, – попыталась утешить его Наташка.

– Да плевать я хотел на дуру, – завопил обманутый муж, выдав такое крещендо, что лежавший под столом Банди принялся лаять. – Нужна мне идиотка, другую найду, молодую и здоровую. Знаешь, сколько аспиранток в кровать напрашиваются? Только свистни, толпами прибегут и спасибо скажут.

И Левка, посерев, принялся хватать воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

Зайка кинулась за нитроглицерином, Наташка стала обмахивать бедолагу салфеткой, а я пошла к телефону.

Александра Михайловича не оказалось на месте, но его приветливая секретарша пообещала связаться с коллегами из ГАИ.

Глава 14

Странная, загадочная смерть бывшей няньки активно обсуждалась домашними. Я же решила поговорить с Колей Семеновым и его девицами. Неужели у Ленки там нет подруг?

«Пип-шоу» работают круглые сутки, но утром все-таки наплыв клиентов меньше, поэтому свидание с хозяином я наметила на двенадцать дня. Подумав как следует, представилась владелицей стриптиз-бара из Новосибирска.

– Только начинаю осваивать бизнес, – вдохновенно врал мой язык. – Девочки ничего, хорошенькие, но клиенты почему-то не идут. Вот пришла за советом.

Польщенный визитом коллеги из Сибири, Коля начал щедро делиться секретами:

– Красота тут ни при чем. Главное – изюминка. Вон у меня одна каучук делает, другая – лилипутка, третья уродина жуткая, но сиськи размером с Большой театр. И еще, бери побольше иностранок. Своих мужик и на улицах видит, экзотика нужна. Но здесь следует чувствовать рынок. Одно время все тащились от африканок, потом с ума сходили по турчанкам, теперь новая фенька – украинки. Ох и здоровы, лошади. Работают и работают, даже негритянки и те обедали, а украинки – просто автоматы. Как еще живы. Хотя понятно, у меня сделщина – сколько натанцевал, столько и получил.

– Украинки? Интересно, где вы их берете?

– Как где? На Украине. Есть один торговец, первосортный товар поставляет. Отработавших увозит, свеженьких привозит.

– Сколько лет в среднем танцует девушка?

Коля запустил толстые пальцы в буйную шевелюру.

– Все по-разному. Есть одна – шестой год крутится. А бывает, и несколько месяцев не выдерживают. Начинают пить, колотиться и с катушек съезжают. Запрещаю, конечно, штрафую, а толку? К каждой соглядатая не приставишь. Их здесь сорок штук, танцорок этих. Вообще, скажу тебе, с бабами дело иметь – кошмар. Вечно ругаются, грызутся, мужиков делят, истерички.

– А та, которая шесть лет танцует, сейчас здесь? – заинтересовалась я.

– Зачем тебе?

– Навряд ли девица у вас еще шесть лет пропляшет.

– Нет, конечно, уже старовата становится.

– Может, согласится у меня в клубе девчонок поучить? Знаете, в Сибири «пип-шоу» дело пока не очень знакомое, специалистов нет. А она – профессионал, в Москве работала.

Семенов обрадовался:

– Хорошая мысль, и мне реклама. Сейчас позову, потолкуете. Галька девка клевая, не скандальная, даже расставаться жаль, но, увы, бутон увядать начинает.

И, радостно смеясь, он велел позвать стриптизерку. Галька пришла в ярком халате, наброшенном на блестящее от масла тело.

– Зачем позвал? – бесцеремонно спросила она хозяина и плюхнулась на диван.

Коля представил меня и вышел. Рослая девица затаилась сигаретой.

Минут десять я самозабвенно врила девице об открывающемся в Новосибирске «пип-шоу». Та молча слушала, выпуская изо рта колечки. Наконец сказала:

– Вилку с собой принесла?

– Какую вилку? – растерялась я.

– Лапшу с ушей снять, – захихикала девица. – Это Кольке-дурачку баллон гони. А то я хозяек не видела. Говори сразу, чего надо, по-простому.

– Ты уже шесть лет работаешь?

– Угу.

– Оксану Криворучко помнишь?

– А то! На одной квартире жили. Хорошая девка, я ей благодарна. Ксюта в ансамбле танцевала, а у меня специальной подготовки нет. Только спортивная школа. Вот она и подсказала, как лучше себя подать. До знакомства с ней я как на брусьях работала.

– Долго Оксана у Семенова работала?

– Года два, нет, меньше. Полтора.

– Куда она ушла, не знаешь?

Галка повела мускулистыми плечами.

– За бесплатно только птички поют.

Я протянула женщине несколько бумажек. Та быстро свернула их и профессиональным жестом сунула за резинку чулка.

– Ушла Оксана неожиданно. Утром вместе пошли на работу, и она не вернулась. Мы здесь друг друга не видим, она в одной кабинке, я в другой. Коля злился ужасно, но поделаться ничего не мог. Она к нему регулярно в койку укладывалась, так что пришлось хозяину новую подстилку подыскивать.

– Просто ушла, и все? Может, у нее любовник был?

– Из постоянных – только Коля. Ну а те, что после работы, это так, для заработка. Я и не знаю, с кем она укладывалась. Был, правда, один обожатель. Все поджидал после работы.

– Она тебя с ним не знакомила?

– Зачем? Симпатичный дядька лет сорока, одет хорошо, при деньгах, кто с таким знакомить будет? Чтобы отбили, да?

Я вздохнула. Не так уж часто общаюсь с девицами вроде Гали, вот и не знаю, как и о чем спрашивать.

– Вы долго жили вместе?

– Все время.

– А где?

– Да рядом совсем.

В Москве, как и в других столицах, полно в центре маленьких проулков без названия, куда не забредают туристы. Этот был как раз из таких. В доме №2 работала лифтерша.

Я представилась сотрудницей налоговой полиции. Классовая ненависть к обеспеченным жильцам выиграла в жилах пожилой женщины, и она охотно принялась обливать грязью жильцов подъезда.

Через пятнадцать минут моя голова наполнилась сведениями о некоей даме из девятой квартиры, которая принимает любовника, стоит мужу уйти на работу; о жильце с третьего этажа, меняющем за последние полгода четвертый автомобиль; о забеременевшей неизвестно от кого девице из пятой квартиры. Добралась добрая душа и до Галки.

– Эта украинка, – фыркнула консьержка, – вот кого проверить хорошенько надо. Всем говорит, что работает официанткой в баре. Ха, я-то знаю, где она свои прелести демонстрирует. Каждый вечер с новым мужиком является. Правда, тихо, не пьет, не шумит, милиция не приезжает. Но все равно она проститутка, как ни называйся – официанткой, танцовщицей, хоть принцессой Эфиопии. Вот подруга ее, Лена, совсем другая. Милая, скромная девушка, ни за что не подумаешь, что стриптиз танцует.

– Так вы и Лену знали? Она долго жила в этом доме?

– Полтора года. Такая приятная девушка. Всегда приветливо здоровалась, по праздникам угощала конфетами. Жаль, из-за болезни уехать на родину пришлось.

– Из-за болезни?

Выяснилось, что за несколько дней до исчезновения Лена-Оксана спустилась к консьержке и стала жаловаться на недомогание. Девушка плохо выглядела: бледная, под глазами синяки.

– Ее даже стошнило в туалете, – сообщила консьержка. – Вот и посоветовала сходить к доктору Арутюнову. Он хоть и армянин, но врач хороший, берет недорого, может бесплатный рецепт выписать.

После визита к эскулапу Ленка появилась на следующий день в подъезде с небольшим чемоданчиком.

– Уезжаю, – пояснила она консьержке, – врач велел лечиться. Поеду домой, ну ее, эту работу.

– Правильно, – одобрила пожилая женщина, – здоровье не купишь.

И стала смотреть, как Ленка с чемоданом быстро идет по улице. На перекрестке ее ждала машина. Водитель вышел, взял у девушки поклажу. И это был единственный случай, когда консьержка видела жиличку с мужчиной.

Получив от словоохотливой собеседницы адрес доброго доктора и наградив ее за болтливость, я посмотрела на часы. Следовало ехать домой, визит к врачу временно откладывался.

Глава 15

Домашние пребывали в необычайном возбуждении. Даже апатичные кошки носились галопом по гостиной.

– Убить дуру, и дело с концом, – гремел на самых высоких тонах Арцеулов. – Чтобы я стал выяснять отношения с этой...

И он проглотил вырывающееся бранное слово.

– Левочка, Левочка, – квохтали Зайка и Наташка, – не волнуйся так, перемелется – мука будет.

– И чего дядя Лева дергается, – как всегда, кстати выступила Маруся, – он сам тетю Соню прогнал, должен теперь радоваться, что она не пропала, а замуж выходит.

– Да заткните ее, – взмолился мужчина.

– Как замуж, – ахнула я, – за кого?

Домашние принялись самозабвенно рассказывать новости. Оказалось, после моего отъезда позвонила любезная секретарша Александра Михайловича и сообщила адрес владельца авто. Улица Алексея Толстого! Шикарное место. Более того, квартира принадлежит Казимиру Новицкому, чрезвычайно известному в среде нуворишей всех мастей и национальностей художнику. Его чудовищные и ужасно дорогие портреты висели во множестве гостиных «новых русских», активно продавались за рубежом. Феномен популярности Новицкого мне абсолютно непонятен. Этаким китч в мехах и брильянтах. Представьте полотна Шилова, добавьте в интерьер экзотических животных, страусиные перья, горы битой дичи, разнообразные парчовые тряпки – и перед вами Новицкий. Но иметь дома портрет жены или дочери кисти Казимира – это, как говорит Маня, круто.

К слову сказать, о художнике почти не сплетничали. Молодой, едва за сорок, богатый, он представлял собой лакомую добычу для девиц на выданье и разведенных молодых. Но никаких шумных романов, никаких громких любовных историй. Одно время даже поговаривали, что Казик «голубой», но слух не нашел подтверждения.

Белозубо улыбаясь, симпатичный художник сообщил в одном телеинтервью, что поляки – однолюбы. И он просто не нашел свою единственную.

Жил Казик, несмотря на миллионы, тихо. Не устраивал шумных вечеринок и застолий, не шлялся по тусовкам, рассказывая о своих планах.

Скорее всего, Новицкий все время просто работал как каторжный.

Услышав фамилию владельца авто, Наташка пришла в безумный ажиотаж и решила сама поехать к нему и узнать, кому из знакомых Казимир давал машину.

Роскошную дверь квартиры открыл пожилой мужик. Он окинул взглядом Наташкин костюм, оценил серьги, часы и, приняв подругу за очередную заказчицу, препроводил ее в мастерскую.

Картина, представшая перед Наташкой в огромной студии, ошеломляла.

Посреди гигантского, неизвестно сколько метрового помещения стоял старенький, заляпанный красками мольберт. Левее находились подмостки с креслом, навевавшим мысли о троне. За царским стулом пламенела штора цвета старого бургундского вина. Вокруг кресла в беспорядке валялись живые розы «Мария-Антуанетта» нежного красного цвета. Тут же возвышалась позолоченная этажерка с эмалевой вазой, наполненной виноградом «Изабелла».

В кресле сидела... Сонька. Бывшая госпожа Арцеулова выглядела ослепительной красавицей. Всегда небрежно стянутые в пучок рыжеватые волосы теперь вольготно лежали на ослепительных плечах. Очевидно, где-то за ее головой находился скрытый источник света, потому что Сонькина шевелюра искрилась и переливалась, как елочная игрушка. Крупное тело Сони, обычно упрятанное в бесполые учительские костюмы, сейчас плотно облегалось вечернее платье

из белого атласа. На колонноподобной шее сверкало варварски великолепное ожерелье из кровавых рубинов. Элегантные ножки 40-го размера были вбиты в узенькие лодочки цвета бордо. На руках Сонька держала гигантского черного кота с золотой цепочкой на шее. На цепочке висел колокольчик. Увиденная картина настолько ошеломила подругу, что она сумела только пробормотать:

– Соня, брось кошку, у тебя же аллергия!

Удивительно похожая на героиню германского эпоса, Соня проговорила каким-то не своим, грудным и чарующим голосом:

– Не поверишь, Наталья, но от Клауса у меня нет аллергии.

Стоящий у мольберта высокий красивый мужчина в старых джинсах и клетчатой рубашке повернулся к Наташке, потом обратился к Соньке:

– Любимая, познакомь нас.

– Знакомьтесь, – проговорила Соня, царственно поднимаясь со своего трона, – Казимир Новицкий, мой жених, Наталья Макмайер, баронесса.

– Побойся бога, – не выдержала Наташка, – какой жених, ты же замужем!

– Уже нет, – небрежно заметила новоявленная Брунгильда, поглаживая омерзительного Клауса. – Господин Арцеулов выгнал меня на улицу, оставил одну в чужом городе без денег. Спасибо, судьба послала Казика, а то ведь я могла сейчас лежать на дне Москвы-реки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.